

Любовь за гранью 10. Игра со Смертью

Автор:

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 10. Игра со Смертью

Ульяна Соболева

Любовь за гранью #10

У него нет имени, нет фамилии, только кличка – Рино. Среди своих его называют Смерть. Беспринципный психопат, садист, для которого не существует никаких законов. Он живет, дышит насилием. Вся его жизнь – это зверская смесь боли, дикого ужаса, секса, наркотиков и океана крови. Некоронованный царь Асфентуса, самого дна отбросов общества всех рас, полноправный хозяин вертепа извращенных пороков. Но даже у чудовищ есть свое прошлое и тайны. В этом прошлом у Рино остались жуткие воспоминания, жажда мести тем, кто превратил его в монстра, и ОНА, та, которая когда-то предала.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Любовь за гранью 10. Игра со Смертью

ПРОЛОГ

«03 мая 1830 года:

Объект уже третий день выказывает признаки повышенной агрессивности. Бросается на персонал, угрожающе скалясь и рыча, отказывается от еды, полностью потерял контроль над своей внешностью. Налицо действие психотропного порошка, добавляемого в пищу, призванного поднять сексуальную активность Объекта.

На самку Носферату, привезённую вчера утром, Объект не обращает внимания. Заметно, что она вызывает в нём отвращение.

Уже сегодня вечером дозу лекарства увеличить в два раза...»

Её приволокли в мою камеру практически без сознания. Видимо, заранее опоив какой-то дрянью. Закинули, как мешок с костями на холодный пол и, отряхивая руки, издевательски протянули, предварительно отойдя на безопасное расстояние:

– Вот и на твоей улице будет праздник, тварь. Нашли тебе самку под стать. Такая же мерзкая Носферату, как и ты. Можешь, наконец, применить свой член по назначению и отыметь этот кусок дерьма во все её вонючие дырки.

Злорадно рассмеявшись, оба ублюдка вышли, оставив меня наедине с кем-то очень похожим на дикого зверя. Они сказали «самка», значит, это женщина, хотя язык не поворачивается назвать так это существо со скрюченными даже в таком расслабленном состоянии пальцами, серой морщинистой кожей и абсолютно лысой головой. От неё воняло как из выгребной ямы. Я осторожно приблизился на несколько шагов, и меня едва не вывернуло от тошнотворного запаха мертвечины.

Они сказали «Носферату»... как и я. Значит, я тоже так выгляжу? А, может, и от меня так же разит, просто я не чувствую собственного зловония? Я склонился над ней, внимательно разглядывая черты лица. Сегодня я ничего не ел, но, тем не менее, казалось, что я выблюю собственные кишки, если сейчас же не отойду от ЭТОГО.

Через несколько часов слышались шаги того, кого я ненавидел всей душой. Того, кого поклялся убить самой жестокой смертью, мучительно долго, наслаждаясь его агонией так же, как и он наслаждался моим унижением, невозмутимо записывая в свою белую тетрадь каждое мгновение моего пребывания в этом грёбаном Аду. В Аду, в котором я родился и вырос, в котором, как он говорит, мне суждено сдохнуть ради его великих целей.

Он приблизился к решётке и недовольно покачал головой, записывая что-то в тетрадь.

– Ты меня разочаровываешь, полукровка. Я приказал привести тебе самку твоего вида, а она до сих пор не оплодотворена.

Я вскочил с пола, гремя кандалами, растирающими кожу на руках и ногах до мяса постоянно, так, что она не успевала заживать, и бросился на подонка, понимая, что это бесполезно и цепь не позволит приблизиться к нему на достаточное расстояние, чтобы вцепиться в его холёную шею, видневшуюся над чистеньким белым воротником. Дьявол, как же я ненавидел белый цвет. Всё вокруг было именно белым, стерильным до тошноты. Словно абсолютно чистый лист бумаги, на фоне которой мы с моей новой сокамерницей были как два грязных пятна.

В ту ночь я не прикоснулся к ней, несмотря на угрозы и принуждение Доктора, как называли моего мучителя его жалкие прихвостни. Я знал, что неповиновение не спустят мне с рук, и потому отказывался от пищи и не позволял никому приблизиться к себе.

«...Объект №2 родил абсолютно здорового младенца. Сразу после родов он был изъят у матери и помещён в отдельное помещение. Его будут передавать Объекту №2 для кормлений, максимально сокращая время пребывания Носферату со своим детёнышем...»

В ту ночь я в очередной раз сидел на полу, намеренно вспоров когтем вену и наблюдая, как чёрная кровь капает на ненавистный белый пол. Это была своеобразная игра с собственным сознанием. Постараться обмануть его. Что, если я залью здесь всё чёрным цветом? Это изменит что-либо? Наутро придут

уборщики и всё вымоют, предварительно затянув потуже железную удавку, стягивавшую мою шею. Но, по крайней мере, до утра можно будет внушать себе, что в моём мире начинают появляться цвета. Пусть даже один. Пусть чёрный. Лишь бы только не опостылевший белый.

Сердце среагировало на знакомый запах раньше разума. Оно зашлось в бешеном беге, как только лёгкий аромат жасмина коснулся моего сознания. Я вскочил, на ходу лизнув рану, и с диким восторгом встречая ТУ, из-за которой готов был провести здесь ещё не одно столетие, лишь бы только наблюдать, как озаряется улыбкой её лицо при встрече со мной, как хмурятся брови, когда она замечает рану на моей руке. А потом...потом она осторожно прикасается к ней губами, так просто, срывая все планки, заставляя забыть хотя бы на жалкие несколько минут, что я НИКТО. Что я жалкий выродок Носферату, недостойный даже дышать одним воздухом с такой девушкой. Виктория Эйбель – дочь моего заклятого врага. И единственная, кто что-то значил для меня в этом проклятом мире. Чёрт подери, нет! Она сама была всем моим миром. БЫЛА!

Это был как удар под дых. Хороший такой удар, смачный, сбивающий с ног и не позволяющий подняться даже на колени. Викки с такой беспечностью рассказывала о появлении на территории особняка главной гордости её отца – детеныша Носферату, что я не сразу понял, о ком идёт речь, не обратив особого внимания на эту информацию. Меня больше занимали её глубокие серые глаза, пухлые губы, манившие прикоснуться к ним. Снова почувствовать на губах их сладкий привкус. Осторожно коснуться нежных щёк. О, я теперь знал, насколько нежные и мягкие они на ощупь, несмотря на то, что тварь, подобная мне, не имела права даже любоваться этой обжигающей красотой. Каждое случайное прикосновение её руки к моей коже отдавалось где-то внутри, разжигая там пожар, пламя которого согревало, давая силы продолжать это бессмысленное существование дальше. Пока она не проговорила, что несколько месяцев назад отец показывал ей беременную самку. Весь мир буквально сузился до моей небольшой клетки, в которой я был обречен провести своё существование. Исчезло всё вокруг, включая и саму Викки, а меня будто отбросило назад во времени. В тот день, когда я неожиданно пришёл в себя вскоре после того, как несколько часов подряд трахал самку Носферату. Они называли её не женщиной, а самкой. Как животное. Несчастливая сама рассказала мне о той ночи шипящим прерывающимся голосом перед тем, как её увели двое уродов с триумфальными улыбками на чистеньких мордах. Ублюдкам всё-таки удалось подсыпать мне какую-то дрянь, напрочь отключившую сознание. Перед глазами появился образ забитой женщины с красными глазами, шрамами на лысой голове и жёлтыми клыками за уродливыми, искривлёнными, израненными

губами. Меня вывернуло тут же, на месте, и рвало долго, до крови. Чёртов Альберт Эйбель, когда-нибудь я доберусь до тебя, и ты заплатишься мне за всё, что сделал! Ты будешь харкать собственными внутренностями и молить меня о смерти как о великом избавлении, потому что я буду убивать тебя очень медленно. Тебя и все что тебе дорого.

Я стоял возле клетки, такой же, как и моя, только в несколько раз меньше. Там, за белыми решётками, в окружении белых стен в белой люльке лежал крошечный комочек. Мой ребенок. Приговорённый ещё до рождения провести такую же никчёмную жизнь подопытного животного. Не жизнь, а жалкое существование в чередке дней, наполненных дикой болью и страданиями, безжалостными пытками, именуемыми здесь научными исследованиями. Самым страшным было то, что я знал – ему не вырваться отсюда. Как не вырваться мне, его матери, слёзно умолявшей меня убить её. И пусть я с жадным наслаждением окрасил пол этого грёбаного подвала чёрной кровью наших охранников, мы оба понимали, что нам не выйти отсюда живыми. Нам вообще никогда не выбраться из лап Доктора.

Носферату вцепилась в мою руку, лихорадочно слюнявя её и в мольбе завывая вырвать её сердце, прекратить бесконечные страдания раз и навсегда. Сломленная, униженная женщина. Да, больше похожая на зверя, чем на чистую стройную девушку, ей никогда не сравнится с Викторией, но, тем не менее, она живая, когда-то мечтавшая о большем, чем смерть от лап выроodka-полукровки. Я схватил её за плечо, напоследок вглядываясь в обезумевшие глаза несчастной, которая вдруг поняла, что я намерен сделать. Она обмякла в моих руках и улыбнулась, обнажая жёлтые клыки. Последним звуком, когда я вырвал сердце из её груди, было удовлетворённое шипение:

– Сссспасссиибо....

Я огляделся по сторонам в поисках хоть какого-то острого предмета, но тщетно. Взгляд привлекли деревянные перекрытия люльки. Выдернул одно из них, надломав один конец так, чтобы он стал острым. Я повернулся к кровати, стараясь не смотреть на лицо ребёнка, зная, что если посмотрю, то не смогу сделать это. Только не успел, в последний момент, когда чёртова деревяшка, словно нож в масло, вошла в маленькое тельце, он вдруг распахнул глаза. Разноцветные. Карий и голубой. Уже потом, через некоторое время, впервые увидев своё отражение в зеркале, я отшатнулся в ужасе, заметив, что у меня точно такие же глаза.

Глава 1

Золотистая бумага отсвечивала на тёмном столе, привлекая к себе пристальное внимание. Крупными буквами на ней было напечатано слово «Приглашение». А на обратной стороне более мелким шрифтом сообщалось о месте и времени проведения приёма в честь Альберта Эйбеля.

Сукин сын все так же вьет свою паутину, не оставляя попуток подвинуть Короля.

Воронов...Тот, кто когда-то предоставил мне возможность жить. Не просто дышать и питаться ради каких-то сумасшедших целей Доктора, не влачить жалкое существование на привязи, в застенках ненавистной до боли лаборатории, а обрести, наконец, долбаную свободу. Получить право появляться на улице без ошейника, до крови натиравшего шею, и короткого металлического поводка. Идти по улице прямо, на двух ногах, с гордо поднятой головой, полной грудью вдыхая прохладный воздух с ночными запахами, окутавшими окрестности, и не бояться, что сзади вдруг раздастся свист кнута, рассекающего воздух, и спину обожжёт дикой болью и унижением от насмешливого окрика:

– Не смей подниматься, скотина! Ты – грязное животное! – ещё один удар, заставляющий сцепить зубы и опуститься на четвереньки. – И, как и любое животное, должен шагать на четырёх лапах, выродок!

Дьявол! Как же я тогда ненавидал их всех. И равнодушного к чужим страданиям подонка, игравшего жизнями ради каких-то выгодных ему целей, и целый штаб его фанатичных прихвостней. Трусливые мрази никогда не осмеливались подойти поближе к моей клетке раньше, чем затянут цепь. Они издевались надо мной и другими подопытными, отпуская скабрзные шутки, избивая, унижая всеми доступными способами, так как знали, что им ничего не грозит. Вот только они крупно ошибались.

Я взял в руки приглашение и поднёс его к свету, рассматривая. С тех пор, как я освободился, уже десять ублюдков отдали свои гнилые души Дьяволу. Один за другим. Довольно комично было наблюдать, как они ползают у меня в ногах,

вымаливая пощаду и искренне не понимая причины той жестокости, что я обрушивал на них, полосуюя спины шипованными кнутами, рисуя стилетом, смоченным вербой, химические формулы на их телах. И только когда я снимал очки и расстёгивал воротник, показывая им татуировку в виде ошейника и металлических звеньев поводка, спускающегося по позвоночнику, к ним, наконец, приходило понимание того, что чудовище, отрезавшее и заставляющее жрать их собственные языки, неспособно на жалость. Я упивался их агонией, мучая их месяцами, а то и больше. Смерть казалась им избавлением, то, что они делали со мной – детский лепет по сравнению с тем, что я делал с ними. В эти моменты я превращался в безумца, который жаждал диких, изощренных пыток. Они приносили мне почти сексуальное удовлетворение.

Сто с лишним лет я жил лишь движимый местью им всем. Тварям, добившимся успехов и богатства за счёт страданий других. О, я не просто ловил и убивал их после долгих издевательств – это, скорее, последний этап. До этого они проходили еще несколько кругов Ада. Каждый из учёных, стоявших тогда бок о бок с Эйбелем, лишился не только своих жизней. Я сделал всё, чтобы разорить их, лишиться состояния, репутации, семьи, поддержки друзей, опустить на самое дно, в грязь. Учёные, лаборанты, охранники и уборщики. Все те, кто знал, что творится в проклятых подвалах. Они все были в моём личном черном списке. Вместе со своими семьями и близкими. Я отнимал у них не только материальные блага, но и жён, родителей или детей...Так же, как корда-то эта стая шакалов отняла у меня желание жить...и моего ребенка.

Список постепенно сокращался. Не так быстро, как я хотел...Но, с другой стороны, я и не торопился. Я ждал возможности мстить весь последний век, пока приходил в себя после освобождения. А впереди меня ждала целая вечность, чтобы поквитаться с этими уродами, называвшими себя высшей расой.

Тогда, более ста лет назад, я долго не мог поверить вампирам в форме, открывшим мою клетку и уговаривавшим меня покинуть её. Я отрицательно качал головой, не отрывая взгляда от упорно молчавшего и поджавшего губы Доктора. В его глазах светился триумф от моего унижения. Сукин сын знал, что я не осмелюсь сделать и шага без его позволения. Потому что корда-то я попробовал. Когда-то посмел. И расплатился за это слишком дорого. И не только часами адской боли, пока его слуги выбивали на моем теле татуировку ошейника и цепи, а голос самого Доктора, удовлетворённо наблюдавшего за их работой, навсегда проникал в сознание. «Тебе никогда не освободиться от неё, полукровка. Ты всегда будешь на моём поводке, никчёмный выродок

Носферату...» В тот день Доктор сделал то, чего я не прощу ему никогда. То, что лежало на моём сердце неподъёмным грузом, и не было возможности его скинуть.

Проклятый подонок заставил меня смотреть, как убивают одного из подопытных. Единственного, к кому я испытывал не только сострадание, но и нечто большее. В то время я не знал, что это дружба, но понимал, что парень стал для меня дорог. Нас выводили гулять по одному во избежание общения между подопытными «крысами», как они называли нас. Но со временем клетки заполнялись всё новыми невольниками. И нас стали выгуливать по двое. Так я и познакомился с парнем. Он не помнил своего имени. Его называли Объект № 9. Нам было запрещено разговаривать, смотреть друг на друга, контактировать иными способами. Но нам удавалось общаться взглядами, периодически устраивая надсмотрщикам мелкие неприятности. И в те дни, когда над ним проводили опыты, я чувствовал невыносимую тоску по единственному, кто меня понимал.

Свободному никогда не понять заключённого. Это истинная правда. Когда весь твой мир состоит из ненавистного белого цвета и холодных, противных на ощупь материалов, когда ты лишён возможности говорить, смеяться и чувствовать что-то иное, кроме постоянного страха и боли...Тогда любой, кто встречает тебя понимающим и сочувствующим взглядом, автоматически становится другом.

Он согласился бежать вместе со мной, но нас поймали. И так как я был слишком ценен, они решили не убить, а наказать меня. Его смертью. Они убивали его медленно и жестоко, у меня на глазах. Пока я с диким рычанием рвался из клетки, безуспешно громяя металл и проклиная их чёрные души. Со слезами на глазах умоляя, чтобы его отпустили, а наказали меня.

Он был вторым, кого я убил. Его смерть была только на моей совести. Как и смерть моего ребенка. И только кровь Доктора способна очистить меня от этого испепеляющего чувства вины. Странно, но почему-то самое первое своё убийство – смерть Носферату, я воспринимал скорее, как благодетель. Моё первое, и пока единственное, доброе дело за всю жизнь.

Из подвала мне помог выйти Влад Воронов. Сам король Братства вампиров не только приказал открыть все замки и отпустить всех испытуемых, но и вывел за руку жалкого никчёмного выродка из клетки, ставшей тому домом. Хотя тот Рино и не знал, что этот уверенный и гордый мужчина, от которого веяло

невиданной силой, и есть король Братства.

Не знаю, почему тогда я пошёл с ним. Может быть, потому что в глазах его увидел не только унижительную жалость к себе, но и жгучую ненависть к Эйбелю, когда Влад метнул на него взгляд. Он не произносил пафосных речей, не приказывал и не уговаривал. Он зашёл в треклятую клетку и протянул руку, а после негромко, но твёрдо произнёс:

- Не бойся меня.

Я чёртову вечность стоял на месте, как вкопанный, краем глаза замечая, как недовольно хмурятся окружающие, нетерпеливо поглядывая на часы, но не смея торопить короля. А король не шевелился. Казалось, он даже перестал дышать, только не опускал руки. До тех пор, пока я не протянул ему свою.

Они отвезли нас в специальный лагерь, где нас лечили от физических травм, учили, общались с нами. Именно там я начал ходить на двух ногах, не озираясь в вечном ожидании наказания за своеволие. Там я впервые попробовал донорскую кровь, едва не умерев от блаженства, когда в нос ударил её тёрпкий аромат, а не тухлый запах мертвечины, которой кормили у Эйбеля. Понадобилось несколько лет, чтобы я научился простейшим вещам, о которых знают даже дети: читать, писать, новым словам, названиям запахов, деревьев и цветов. Демон меня раздери, я видел вокруг себя десятки различных цветов! Ярких и насыщенных, тусклых и пастельных, тёплых и холодных. Я упивался ими. Они были совершенно разными, и это было самое прекрасное в них. Как и прикосновения. Чёрт побери, теперь я знал, каков тот или иной предмет на ощупь. И необязательно, чтобы это был металл решёток или холодный мрамор пола. Я сдёрнул грёбаные перчатки с рук, и как полоумный, прикоснулся к тканям и мебели, к бумаге и дереву. Мне объяснили, что я не оскверню никого и не заражу никакой опасной дрянью без этих перчаток. Доктор говорил, что я заразен. Но скорее они брезговали прикасаться к тому к чему прикасались мы.

В лагере я понял одно, в этой жизни всё всегда зависит от нас, от нашего выбора. И нет ничего страшнее, чем лишиться права выбирать. У меня изначально не было этого права. Я родился уже подопытным. Но стал свободным, выбрав неизвестность, предлагаемую Владом.

Уже позже я узнал, что Воронов издал указ о прекращении исследовательской деятельности Альберта Эйбеля, а именно о лишении его возможности ставить эксперименты на вампирах. Это было во время очередной предвыборной кампании и впоследствии сослужило неплохую службу репутации короля. Хотя, надо отметить, что Влад никогда и не одобрял этой сферы деятельности Доктора. И тот, видимо, так и не простил Воронову унижения и тех потерь, что понёс. Решил отомстить единственным доступным ему способом – политическими интригами, так как воевать с открытым забралом против короля у него яиц не хватает.

Ну что ж, думаю, посетить этот светский приём будет не самым плохим решением. Усмехнулся, представляя, как бы удивился немец, узнав, что Господин Маньер, которого он пригласил в свой особняк, хозяин Асфентуса по кличке Смерть и выродок, называемый Объект№1 – одно лицо. Кроме того, была ещё одна причина, по которой я намеревался поехать туда. ОНА. Причина, при мысли о которой вскипала кровь и наливались яростью глаза. От ненависти, презрения...и какой-то больной тоски и одержимости.

Я стоял возле фигурной колонны, молча потягивая виски и наблюдая, как в мою сторону с обольстительной улыбкой приближается невероятно красивая женщина с томным взглядом серых глаз и роскошным телом, казалось, созданным для ублажения любого мужчины. Виктория Эйбель. Как всегда, до неприличия сексуальна и обворожительна. Знаменитая актриса. Её муж – один из спонсоров мероприятия.

Муж...Сердце отозвалось болью при воспоминании о том, как я узнал о предстоящем замужестве своей Викки. В ту ночь я прокрался в их дом для того, чтобы забрать её навсегда с собой. Ведь она обещала ждать. Клялась, когда бросилась мне на шею в последний день моего пребывания здесь. Её не смутило ни присутствие короля, ни возмущение собственного отца. До сих пор, закрывая глаза и уносясь в тот миг, я будто слышал её тихий голос, полный мольбы, и ощущал лихорадочные поцелуи на губах и на скулах.

– Я буду ждать. Обещай, что вернёшься за мной, Рино? Обещай.

И я кивнул, обещая ей и себе, что обязательно заберу свою любимую.

Это она назвала меня Рино. Сказала, что у каждой личности должно быть имя, принадлежащее только ему, отличающее его от других. Через много лет, вырвав её из своего сердца, я всё-таки сохраню именно это имя. Чтобы помнить ту, кто мне его дал. Ту, кто вероломно предал, так просто, всего через месяц согласившись принадлежать другому. И я сам услышал её спокойное согласие на требование отца. Спокойное, мать её, согласие! Тогда я спрыгнул со стены вниз на холодную траву, чувствуя, как начинает жечь в груди от безысходности. Чувствуя, как покидают меня последние остатки разума, а сердцу становится слишком тесно в груди. Я разорвал рубашку и начал раздирать когтями грудную клетку, пытаюсь добраться до проклятого, которое не переставало отстукивать бешеное отчаяние, отдававшееся адской болью в висках. А внутренний голос начал тихо нащёптывать, что я был полным идиотом, раз поверил в то, что, будучи ублюдком Носферату, мог рассчитывать на любовь чистокровной. И я медленно успокаивался, веря его тихому шёпоту...Он как всегда был прав.

Ведь меня не было всего несколько недель. Врачи не отпускали меня, да, и Влад тоже. Он объяснил, что Викки я нужен, как минимум, здоровым, а не тем полуживым куском мяса, что представлял каждый из нас. И, наверное, за этот совет я благодарен королю больше, чем за свое освобождение. Ведь, он невольно спас меня от этой лживой похотливой твари, которая забыла меня за эти тридцать дней. Поигралась девочка с интересной игрушкой и выкинула её в мусорку, когда ей предложили новую – богатую, холёную, её круга.

Но сейчас передо мной стояла уже не молодая девушка, а шикарная женщина в красном платье до пола, в разрезе которого соблазнительно виднелась стройная нога, обнаженная почти до бедра.

От красоты этой женщины дух захватывало и становилось больно не только смотреть, но и дышать рядом с ней. Она тихо засмеялась в ответ на реплику одного из гостей, и у меня в паху отчаянно заныло от потребности взять её в каком-нибудь укромном уголке. Драть её как можно жёстче, заставляя выть от боли и наслаждения. Стиснул зубы, стараясь успокоиться, но тщетно. Взгляд заскользил по откровенному вырезу декольте, и неожиданная злость затопила с головой. Какого хрена я должен отказывать себе? Она такая же шлюха, как и все остальные шлюхи, которые за эти годы побывали в моей постели. Значит, и обращаться с ней следует соответственно.

Я поправил маску на лице и подошёл к её компании, провёл пальцем по обнажённой коже выше локтя и прошептал на ухо:

– Пойдём со мной.

Её глаза расширились, а дыхание сбилось...будто она узнала меня. Но я тут же отбросил эту мысль. Прошло слишком много времени, чтобы она помнила голос того, кто для неё ничего не значил. Пусть даже и стал её первым мужчиной.

Она подняла на меня взгляд и, судорожно сглотнув, кивнула, затем вложила свою руку мне в ладонь, и мы оба вздрогнули. Наше первое прикосновение друг к другу ладонями. Без долбанных перчаток. Не отпуская руки, она провела меня через зал наверх по лестнице и остановилась перед одной из комнат. Она протянула свою руку к моему лицу, пытаясь снять маску, но я дернул головой, кивнул на дверь, и её вдруг покинула решительность. Викки отпустила мою ладонь и шагнула назад, отрицательно качая головой. А мной завладела ярость. Она вырывалась из груди смертельными языками пламени, требуя затолкнуть эту суку за дверь и взять прямо у стены. Чтобы не играла в те игры, в которые не умеет. Чтобы наказать. И не за этот отказ. Нет. За то, что сломала последнее, что во мне оставалось от нормального. За то, что дарила мне себя когда-то с таким упоением, заставляя поверить. За то, что обманула своей заботой и теплотой. За то, что я любил её. И за то, что умер. Но не привязанный к холодному столу и дрожащий от страха при виде наклонившегося надо мной Доктора с очередным инструментом в руках, а в разорванной одежде под окнами её комнаты, лёжа на сырой земле и чувствуя, как истекает кровью сердце. И это кровотечение уже не остановить ни одному доктору.

Я вышиб чёртову дверь ногой и затащил женщину вовнутрь, лихорадочно сдирая с неё платье, задирая подол, лаская кончиками пальцев кожу над резинкой чулок. Она прогнулась назад, подставляя соблазнительную грудь моим губам и всхлипнув, когда я стянул корсаж платья вниз и обхватил губами сосок. Она зарылась пальцами в мои волосы, ероша их, прижимая голову к своей груди, пока я, трясущимися от бешеного желания руками, расстёгивал ширинку брюк, освобождая уже пульсировавший член. Уже через мгновение я проник в неё, грязно выругавшись сквозь зубы. Один Дьявол знает, как я мечтал снова оказаться в ней, почувствовать, какой мокрой она может быть для меня, ощущать, как крепко она сжимает меня изнутри.

Викки потянулась к моим губам за поцелуем, но я отвернулся. Это было неправильно позволить себе забыть о прошлом и отдаться желанию впитаться в этот зовущий алый рот. Словно некто внутри меня подсказывал, что стоит уступить своей жажде, и я сорвусь к такой-то матери! Целуют любимых женщин, а не шлюх. В любовь я давно уже не верил, а шлюх было столько, что все их лица сливались в размазанное пятно.

Викки обхватила меня ногами и вцепилась в мои плечи. Жар её пальцев опалял через ткань пиджака, прожигая меня до костей. Он оставлял отметины под кожей, пока я вдавливался в неё, как озверевший. Под её стоны и крики, глядя в лживые серые глаза, закатывавшиеся от наслаждения. Изголодавшийся по ней. По сучке, которая с лёгкостью оставила меня ради другого, а теперь изменяла ему же с незнакомцем.

Злость вернулась с новой силой. Злость и какое-то омерзение. Отцепил тонкие женские руки от своих плеч и, перехватив запястья рукой, пригвоздил к стене над её головой.

Уже потом, после оргазма, накрывшего нас практически одновременно, Викки обмякла в моих руках, и пока я выравнивал дыхание, прислонившись лбом к стене, она быстро коснулась моих губ и прошептала срывающимся голосом, не пряча слез катившихся по щекам:

–Рино...Мой Рино...

Я остолбенел. Узнала. Больно. Так больно, что сердце зашло в агонии, словно его проткнули ножом и несколько раз прокрутили, кромсая на куски. Отстранился от неё, глядя, как она обхватывает себя руками, сползая по стене вниз, но не опуская глаз. Я молча вышел из спальни и захлопнул дверь, хотя всем существом рвался обратно. К ней. Подойти и трясти ее, потребовать ответа, отдалась ли она мне сейчас, потому что узнала, или ей плевать, перед кем раздвигать ноги. Я выясню это потом, когда заставлю рыдать кровавыми слезами...позже. Когда настанет ее очередь в списке.

В этот момент пришло сообщение на телефон. Посмотрел на экран и усмехнулся. Воронов. Видимо, пришло время отдавать долги.

Я отпустила личного водителя и, запахнув плотнее плащ, пошла пешком. Какое-то время Ив все еще ехал следом, но, когда, видимо, решил, что это очередной мой каприз, свернул на другую улицу. Я замедлила шаг, приподняла воротник. Пусть едет, он еще неделю назад получил расчет и все же продолжал работать. За просто так. Потому что был верен мне более полувека. Но я-то, больше чем кто-либо другой знала, что за все в этой жизни нужно платить по счетам. Даже за верность. Нет бескорыстия. Его придумали наивные идиоты. Все мы чего-то хотим взамен. Начиная с материальных благ и заканчивая чувствами, эмоциями и отношением. Так устроен этот мир и совершенно плевать, кто ты – смертная или бессмертная. Мой лимит отдачи был полностью исчерпан по отношению к личному водителю. Пожалуй, сейчас Ив сам может нанять меня на работу и платить лучше, чем последние два года я платила ему.

Вечерние улицы города. Полупустые, с редкими прохожими. В горле пекло от голода, когда я чувствовала их запахи, слышала биение сердец и шум бегущей по венам крови. Сколько времени я не ела? Около суток, да и до этого мой рацион был скуден.

Начался дождь. Противный, мелкий, колючий, а я шла все так же медленно мимо витрин дорогих магазинов. Всего лишь полтора года назад я могла скупить несколько таких бутиков вместе взятых просто так, потому что мне захотелось обновки...а сейчас. Усмехнулась и остановилась напротив брендового магазина с сияющей витриной. Сейчас я не только не могу себе позволить кольцо с бриллиантом. Все гораздо хуже – я продала даже те, которые были у меня. Купила жалкие подделки, чтобы соответствовать. Все с молотка. Унизительно. С аукциона. Но даже этой выручки не на что не хватало.

Сегодня я встретила с Арманом. В этот раз он отказал мне даже в мизерной сумме, которую я у него попросила, так же, как два дня назад отказал и отец. Нет, это не было мстью неверной жене, с которой не разводились якобы ради имиджа, это был полный крах. Арман в долгах. Кредиторы наступают ему на пятки, долг непомерно растет в процентах, и скоро мой муж будет вынужден пустить все имущество с молотка, так же, как и отец. Расплатиться с проклятым ублюдком по кличке Смерть, который уже требовал погашения кредитов, оказалось так же невозможно, как с самим Дьяволом.

У меня был истерический припадок смеха сквозь слезы. Все последние деньги, вложенные в новую инвестицию, сгорели. Акции, выкупленные компанией отца и Армана, обесценились до мизерных сумм, которых хватило бы смертному на пару буханок хлеба. Это был конец империи Эйбея и Рассони. Полный апокалипсис того мира, к которому я привыкла.

Неделю назад ради этой инвестиции мы продали все, что можно. Благо дело, мои, уже не столь многочисленные фанаты готовы были заплатить даже за волосы с моей расчески...а сейчас Арман говорит мне, что все прогорело. Мне хотелось выть от отчаяния. Такое чувство, что кто-то намеренно загнал всех нас в угол или это расплата за какие-то грехи. Впрочем, грехов у каждого из нас предостаточно.

Моя успешная карьера перестала быть таковой еще год назад. Меня приглашали на пробы и тут же отказывали. Одна кинокомпания за другой, как круговая порука. Фильмы с моим участием запрещали выпускать в прокат. С телевидения сняли даже рекламу с моим участием. И никто, ни один паршивый пес, не мог мне объяснить, почему. Я не верила, что прошел успех, я не верила, что моя карьера закончилась. Так просто не могло быть после стольких лет головокружительной популярности. Мне, дочери Альберта Эйбея, жене Армана Рассони, отказывали, не объясняя причину. Первое время я упорно искала и оббивала пороги киностудий, потом у меня была затяжная депрессия. Но я еще не понимала, что тучи только начали сгущаться. Я только смотрела на свое отражение в зеркале и искала, что изменилось? Что не так со мной, дьявол всех раздери? Я стала уродливой? Или вдруг превратилась в бездарь? Так не бывает. Актерское мастерство либо есть, либо его нет. Мое всегда оставалось со мной.

Значит, внешний вид? Сменить имидж? Да я уже долбанные раз триста его меняла. И зеркало показывало мне идеальную внешность. Не изменилась, да и не могла. Я не человек, чтобы вдруг постареть, выглядеть хуже или изменить весовую категорию.

Два года назад все популярные журналы пестрели моими снимками. Я не могла пройти спокойно по улице. Меня охраняли вертолетами, без лишнего преувеличения.

Сегодня, когда Арман смотрел на меня с дикой обреченностью, я видела, что он сам на пределе. Он нервничал намного больше, чем показывал мне. Да, мы уже

давно перестали быть парой, и это случилось не два года назад, когда я ушла от него и переехала в другой дом, а гораздо раньше. Впрочем, зачем обманывать? Наш брак изначально был выгодной политической сделкой, которая устраивала и его, и меня. А больше всех – моего отца. Арман долго добивался взаимности. Он горел от страсти ко мне, пока не перегорел, окончательно разочаровавшись. Даже самый сильный и лучший мужчина устанет от равнодушия и холода. Вселенского льда, которым я замораживала его год за годом. Я отдавала ему тело, а Арман хотел мое сердце и душу. Но как можно отдать то, чего нет? Мое сердце и моя душа не принадлежали даже мне самой, их выдрали с мясом еще много лет назад. Выпотрошили, как и мое тело. Я вся пустая. Только красивая оболочка. Обертка дорогая, яркая, экзотическая. Не способная любить, не способная чувствовать. Ледышка. Даже в постели я играла. Вся жизнь – сплошной фарс. Я изображала примерную жену, счастливую успешную женщину, я излучала секс, но не испытывала от него ни малейшего удовлетворения. Все имитация. Чувств, оргазма, возбуждения. Иногда мне казалось, что я и не женщина вовсе. Одно название. Я завидовала смертным. У них яркая и скоротечная жизнь, но они успевали познать за нее намного больше, чем я за несколько столетий. Они могли познать то, чего я лишена – радость материнства. Я тоже могла...когда-то. Очень давно. Так давно, что воспоминания об этом похожи на кадры из черно-белого немого кино, где актриса открывает рот, как рыба, выброшенная на берег и пока потрошат ее внутренности, она лишь смотрит расширенными от боли и дикого ужаса глазами и понимает, что это конец. Понимает, что она почти мертва. «Почти» меня не устраивало. А потом белые стены клиники, лекарства, препараты и осознание, что если не начну играть в реальной жизни, то стану узником этих стен навсегда. И я начала играть... живу.

Моя профессия заполняла всю пустоту, я любила то, что я делаю. Я проживала чужие жизни на экране и имела то, чего никогда не получу в своей, реальной.

Сейчас у меня не осталось даже этого. Армана я любила. Нет, не так как женщина любит мужчину, я любила его как брата и друга. Я привыкла, что он всегда рядом. Привыкла к его отношению ко мне. Даже когда ушла от него два года назад, он все еще делал попытки что-то исправить и вернуть. Но как вернуть то, чего никогда не было. Он страдал. Я знала об этом, но могла ему помочь, лишь дав свободу. Он отказался от нее. Мотивируя тем, что это навредит его карьере. Но мы оба знали, что Арман просто не в силах подписать бумаги о разводе и отпустить меня навсегда. Я помню, что он кричал тогда, два года назад, когда нашел меня в своем кабинете в разорванной одежде, рыдающую на полу, воющую, как дикое животное, которое захлебнулось тоской

и презрением к себе. Спустя годы он забыл, что внутри меня живет это безумие, разрушение и опустошение. Он считал, что я забыла...я тоже так считала. У каждого есть свои мертвецы в прошлом. Это мертвые чувства, мертвые надежды и мечты. В ту ночь мои мертвецы ожили и были безжалостно разодраны снова. В ключья. В ошметки. Умирать второй раз так же больно, как и в первый. Даже если ты ожил всего на жалкие минуты...Я в который раз убедилась, что время не лечит. Оно безжалостно, как и мой убийца, который хладнокровно уничтожил меня снова. Уже спустя годы. Тогда я даже не подозревала, что это было только начало.

Я узнала его сразу. Еще до того, как он произнес хотя бы слово. По запаху, по тому, как зашлось в агонии дикой радости мое сердце, как только посмотрела на высокого мужчину в маске, который потягивал виски из бокала и следил за мной взглядом. Это на уровне подсознания, это заложено в подкорке мозга...лицо, запах кожи и волос, каждое движение того, кого безумно любила. До одержимости.

Женщины никогда не забывают свою первую любовь, никогда не забывают своего первого мужчину и никогда не забывают того, кто причинил им боль. Так много боли, что забыть о ней я могла лишь на короткие часы...на сцене или перед камерами, когда переставала быть собой. Все остальное время она жила во мне, затаилась в непроглядном мраке воспоминаний. А потом он прикоснулся ко мне, и я ожила. «Рино...Мой Рино...»

Сделала первый глоток воздуха за долгие годы, мое мертвое сердце забилось, мое тело воскресло. Захлебываясь тоской по нему, какой-то жалкой надеждой и ничтожными иллюзиями, я упивалась минутами безумия и дикого голода под натиском того, кто исчез из моей жизни слишком давно, чтобы я могла сейчас поверить, что он вернулся...А я поверила. В самые откровенные секунды бешеного удовольствия, вдыхая его запах, слыша хриплые стоны и рычание, которые клеймом отпечатались в памяти. Чувствуя безжалостное вторжение в свое тело, ощущая себя настоящей, когда первый за столетия оргазм разорвал меня на части. Он не произнес ни слова. Да и зачем? Он уничтожил меня взглядом. Одним единственным презрительным взглядом, полным ненависти и омерзения. Этого хватило, чтобы скорчиться на полу, слыша удаляющиеся шаги и понимая, что это был не глоток воздуха, а глоток яда.

Арман все понял тогда. Он что-то кричал, а я, шатаясь, пошла к бару, налила себе виски и залпом выпила. Именно тогда я поняла, что больше не хочу играть

по правилам. Я хотела забиться одна, в темноту, и пожирать себя так, чтоб никто не мешал. А еще я хотела, чтоб Арман был счастлив. Полгода я загоняла себя на сцене и пила виски до полного беспамяත්ства дома, после съемок или спектаклей. Только там я могла меняться и забывать.

Сейчас мой муж стоял передо мной и говорил о том, что нам всем конец. Скоро мы выйдем на улицу в поисках жертв, потому что средств не хватит даже на пакет с кровью. Но добило меня то, что дом родителей, дом, где я выросла, должен уйти с молотка на следующей неделе. В тот момент я еще не знала, что это не самое ужасное, что может произойти с каждым из нас.

- Но как так, Арман? А другие банки? А фонды?

- Все прогорело. Сделка за сделкой. Мы понесли колоссальные убытки и задолжали так много, что нам никогда не расплатиться. Все будет распродано за долги. Смерть не простит ни копейки. За каждый просроченный день сумма возрастает в два раза. Даже после продажи всего имущества мы останемся ему должны.

- Да кто он такой, черт возьми, этот сукин сын? Неужели нельзя...

- Нельзя, Викки. Смерть - хозяин Асфентуса. Каждый, кто попал к нему в долговую яму, или стали его рабами, или отдали долг своей жизнью.

- Тогда зачем ты пошел к нему? Зачем, Арман?

- У нас не было выбора. После суда и наложения запрета мы оказались в дерьме, из которого можно было выбраться, лишь вложив крупную сумму в новую кампанию, у нас такой суммы не было.

Арман взъерошил свои темные волосы и посмотрел мне в глаза обреченным взглядом. Сейчас мне казалось, что он не похож сам на себя. Он боялся. От него воняло страхом. Диким. Первобытным ужасом, паникой.

- Он не посмеет угрожать нам! Мы не какие-то оборванцы с улицы. Мы из клана Северных Львов. Мы известны, мы...

В ответ Арман протянул мне лист бумаги, и я взяла ее дрожащими руками.

«Ты можешь расплатиться с долгами АрманРассони. Ты или твой тесть сами придете ко мне, и я лично решу, какую часть тела из вас вырезать за каждый процент долга. Это будет бесконечно и очень больно, Арман. Твоя агония может растянуться на годы. За кровь чистокровного вампира высшей расы очень хорошо платят. Выбирай.

Я люблю давать право выбора. Ты, Эйбель...да неважно, кто из вашей семейки, отдадите долг кровью. Если тебе подходит, то я жду тебя в Асфентусе. Впрочем, я великодушен. Я дам тебе неделю на раздумья...а вдруг тебе повезет, и ты сможешь расплатиться. Если нет, то я все равно найду тебя, и ты позавидуешь мертвым».

Я сглотнула и посмотрела на Армана:

– Что это значит?

– То, что он хочет добровольного донора, Викки. У него таких тысячи. Это их способ выживания.

– Наши законы..

– Очнись! – Арман сорвался на истерический крик и меня передернуло от осознания, насколько он боится этого неизвестного Дьявола по кличке Смерть. Какие законы в городе беззакония? Асфентус – это Ад. Там один закон – неписанный. А проклятый ублюдок творит все, что хочет, и никто не может положить этому конец. Никто не решится сунуться в Асфентус. Более того, это граница с иным миром. Это бешеная прибыль. К услугам Смерти прибегают высшие мира сего. Он знает столько безобразных и страшных тайн, сколько не слышала ни одна исповедальня и тысячи священников, отпускающих грехи вместе взятые. Информация правит миром. Ценная информация правит вселенной. В кулаке у этого долбанного ублюдка может оказаться каждый.

Весь нелегальный бизнес проходит через Асфентус. Этот сукин сын богат как дьявол и неприкосновенен, как, мать его, Иерусалим.

Я вышла от Армана и теперь бродила по улицам. В кармане ни копейки, все кредитки заблокированы, даже на сотовом денег хватит разве что на пару звонков.

Я нащупала визитку одного скандально известного режиссера и выдохнула. Это последняя надежда на новую роль. Пусть даже в малобюджетном фильме с высоким рейтингом, который не допустят в прокат во многих странах мира, но это выручка. Какое-то время я смогу забыть о голоде и подумать обо всем, что сказал Арман.

Но меня ждало дикое разочарование. Он не предложил мне роль...Проклятый, жирный, вонючий сукин сын предложил удовлетворять его похоть за деньги.

Положил на стол пачку купюр и расстегнул ширинку, предлагая стать на колени и взять в рот его маленький, сморщенный член. Я разодрала ублюдку горло. Выпила его досуха и, шатаясь как пьяная, вышла на улицу. От вкуса живой крови помутился разум, и я с ужасом поняла, что очень скоро начну убивать не от ярости, а от голода, который толкнет меня на улицу, а потом и в руки Совета Братства.

Что там было написано в проклятом письме?

Я достала сотовый и набрала номер Ива. Пусть побудет моим водителем в последний раз. Отвезет меня напрямик в Ад. Я истерически рассмеялась, вытирая окровавленный рот тыльной стороной ладони. Возможно, это будет последняя игра в моей жизни – игра со Смертью.

Глава 3

Я сидел на крыше недавно построенной больницы, наблюдая, как оживает Асфентус. Город-призрак. Самый настоящий город греха и разврата, совершенно не похожий ни на один другой и прекрасный именно этим. Асфентус просыпался как-то сразу, после захода своего серого солнца, редким лучам которого удалось сегодня пробиться сквозь мрачные облака и загнать на целый день в

укрытие большую часть своих жителей. Он мгновенно наполнялся звуками и запахами, воплями несчастных жертв и громким чавканьем и рычанием хищников, поймавших свою добычу, зазывными криками шлюх и руганью местной шпаны, толкавшей дурь.

Я втянул в себя затхлый запах смерти и безнадёжности, насквозь пропитавший стены города. Самое место для выроodka-полукровка, которым я и являюсь. И пусть даже крысы в этом разрушенном месте склоняют передо мной головы, признавая своим королём и Господином, а за спиной вполголоса называя не иначе, как Смерть. Асфентус – моя крепость, моё детище, ставшее когда-то новым смыслом моего существования.

Внизу раздался детский крик, и сразу после него – громкие проклятья грубым мужским голосом. Я спрыгнул вниз и выругался, увидев, как здоровый татуированный вампир содрал трусы с маленькой девочки и пристроился между её ног, закрыв ей рот окровавленной ладонью и довольно скалясь в лицо испуганной малышке лет восьми. Она беззвучно плакала, широко распахнув в ужасе огромные серые глаза. И на секунду перед взглядом появился образ другой сероглазой девочки, по щекам которой так же беззвучно катились слёзы сочувствия к зверю, прикованному к клетке. Она вцепилась в руку своего отца, умоляя разрешить поиграть с НИМ и убеждая, что верит дикому существу, исподлобья наблюдавшему за этой сценой.

Это была первая наша с Викки встреча вблизи. Но именно после неё кардинально изменилось моё отношение к маленькой девочке, которую я считал исчадием Ада только из-за её отца. Которую ненавидел только за то, что у неё были родители и семья. За то, что ей искренне улыбались и с нежностью прикасались к щекам, волосам. За поцелуи, которыми её одаривали. За всё то, чего у меня никогда не было и быть не могло.

Хотя я долгое время и не понимал, что вообще означает это слово. Семья. Абсолютное пустое для одних, и смысл жизни для других. Откуда мог знать рождённый в неволе сирота, что такое любовь, и кто такие отец и мать? Кто мог его научить состраданию и взаимопомощи? Да и незачем знать обреченному на вечные муки, что такое ласка и забота. Ведь лишившись их, он бы мучился не только от физической боли, но и подыхал бы от тоски по утраченному.

Когда Доктор впервые подвёл к моей камере крохотное существо с ангельской улыбкой на губах, я долгое время не мог понять, кто это, и почему жестокий

вампир так бережно держит его ладошку. Почему он поднимает его на руки с такой осторожностью и заботой, будто боится причинить боль, будто оно ему невероятно дорого. До этого момента я никогда не видел детей. Я не понимал, что и сам когда-то был ребёнком. Хотя нет. Я никогда и не был ребенком. Выродком, грязным животным, мерзкой крысой, ублюдком и долбаным Носферату. Но никогда – ребенком. А когда Доктор заговорил, то я не поверил своим ушам. Казалось, я ослышался. В голосе не было и намёка на холодные и брезгливые нотки, к которым я привык.

– Посмотри, Викки, какая интересная зверушка есть у твоего папы. Правда забавный, малышка?

Девочка заливисто рассмеялась и захлопала в ладоши. Это было так странно: тоненький звонкий голосок, отскакивающий от мрачных стен подвала, будто раскрашивал их в разные цвета, хотя бы на мгновение, но облегчая пребывание там. А затем маленький человек произнёс слова, за которые я её возненавидел.

– Папа, а он умеет делать трюки?

Доктор нежно, мать его, улыбнулся и ответил:

– Конечно, малышка. Сейчас посмотрим вместе, какие он трюки умеет делать.

И я, стиснув зубы, выполнял всё, что мне приказывал Эйбель, ради счастливого писка одной мелкой твари. Конечно, не сразу, только на следующий день, после того, как меня несколько часов кряду полосовали кнутом. Именно тогда я впервые поклялся поквитаться с ней, ещё не понимая, что через некоторое время она станет для меня всем.

Пройдёт два года, и она будет умолять отца не бить ЕГО, так она обращалась ко мне, когда чуть подросла, перестав называть зверушкой.

Я встряхнул головой, отгоняя непрошеное видение и возвращаясь в реальность, в которой какой-то ублюдок уже взобрался на беспомощного ребенка. Девочка была ликаном, но это не давало никому повода так поступать с ней. И поэтому уже через секунду, пригвождённый моей рукой к стене здания, вампир уже вовсю хрипел слова извинения, провонявшись запахом страха. Тщетно, сукин сын. Бессмысленно вымаливать прощение или пощаду у Смерти. Смерть не

умеет прощать. Смерть лишь забирает жизни. И этому конченому подонку повезло, что у меня не было времени, и он сдох быстро. Правда, волчонок истошно закричала, когда к её ногам откатилась окровавленная голова насильника.

Я зашёл домой и поморщился, увидев в кабинете Арно. Который, к слову говоря, развалился в моём кресле с моим бокалом виски в руках и моей сигарой во рту. Скрестил руки на груди, молча ожидая, пока этот сучий потрох не спеша поднимет свой зад и освободит моё место.

– Я принёс отчёты по последним поставкам, Рино, – Арно устроился напротив меня, затягиваясь сигарой, – чует моё сердце, поставщики-уроды работают в два русла. И нам, – он выразительно посмотрел на меня, – достаётся далеко не лучший товар.

Пожал плечами в ответ на эти слова:

– Ну, так поговори с ними. Лично. Действующего главаря выпотрошить перед остальными. Новому поставь другие условия – в два раза больше товара за те же деньги.

Парень кивнул и задумчиво уставился в бокал, отливавший янтарём. Настроения болтать с ним, как и выуживать информация по крупицам, не было совсем.

– Что ещё? – Рывкнул, разворачивая бумаги и не глядя на него. Но то, что Арно напрягся, я ощутил весьма явно.

– Просочилась информация, что тебя ищет одна особа из Северных львов. – Я вздёрнул бровь, заинтересовавшись. – Некая Виктория Эйбель. Ее сцапал Эрл и ждет твоего слова – пустить в расход со своими псами или привезти к тебе.

Твою мать! Эрл содержит несколько борделей в Асфентусе с отменным живым товаром. Как обухом по голове. Я откинулся на спинку кресла, стиснув зубы и пытаюсь успокоить сердце, пустившееся в дикий пляс только от звука её имени. Как оголтелое, оно колотилось о грудь, будто чуяло, что совсем скоро настанет тот день, которого я ждал чёртову сотню лет.

Конечно, я понимал, зачем ей понадобился, учитывая то, что целенаправленно вёл к этому всю проклятую семейку. К тому, чтобы Доктор, мать его, Эйбель, её муж или она сама приползли ко мне на коленях, умываясь кровавыми слезами и умоляя простить их долги, вернуть ту жизнь, к которой они привыкли. Я год за годом неотрывно следил за тем, как высоко они поднялись за счёт слияния двух империй – Рассони и Эйбеля. Я выжидал момента, чтобы нанести тот единственный сокрушительный удар, после которого эти твари не смогут подняться с колен. Каждый раз, читая об их головокружительных успехах, я успокаивал себя тем, что чем выше они поднимутся, тем приятнее мне будет наблюдать их падение на самое вонючее дно.

Виктория стала знаменитой актрисой, и я скупил все фильмы с её участием, все диски с её рекламными роликами, чтобы периодически пересматривать их, чтобы хотя бы таким образом проживать с нею то самое счастье или горе, которое она так умело изображала на экране. Потому что знал – последней картиной, в которой она примет участие, и в которой я буду главным режиссёром, станет полнометражный фильм ужасов. Я смотрел, как она эротично стонет в очередной истории о вечной любви, лёжа на белых простынях, и с изощрённым удовольствием представлял, как она будет корчиться подо мной от дикой боли, пока эти долбаные простыни не окрасятся чёрным – цветом её агонии.

Мы поменялись ролями. Когда-то она наблюдала, как я развлекаю гостей её отца, исполняя главные роли в своеобразном «Бойцовском клубе» в постановке Альберта Эйбеля.

«...Объект одержал убедительную победу во всех трёх боях. Получил серьёзные раны, но проявил невиданную выносливость и стойкость при получении ранений. Однако надо учесть, что во всех поединках он сражался один на один с соперником. Рекомендуется в следующий раз выпустить против Объекта сразу двоих противников в целях проверки его способностей к быстрому принятию нестандартных решений...»

Он собирал полный дом гостей, которые нажирались крови и требовали зрелищ. А разве могло быть что-то интереснее боёв между подопытными животными? Или, например, гонок на выживание, в ходе которых требовалось пересечь местность до ближайшего небольшого амбара, вмещавшего только двоих. А те, кто не успевали, автоматически становились кормом на следующую неделю для выживших. Таким вот жестоким образом грёбанный немец отбирал самые

сильные экземпляры, уничтожая неприспособленных к жизни в этих адских условиях.

А ещё Доктор любил устраивать оргии. Эта тварь продавал за деньги похотливым шлюхам из своего клана возможность трахнуть любого из заключённых. И даже если ты не хотел, то тебе в глотку засовывали порошок, от которого член вставал дыбом, и ты взбирался на любую ненасытную сучку, купившую твоё тело.

Вот только эти времена прошли, и теперь уже я решал, по какому пути пойдёт сценарий. Два года назад начался отсчёт, и совсем скоро наступит день, когда Эйбелю, спустившему всё до нитки на своей предвыборной компании, не останется ничего, кроме как наложить на себя руки или униженно просить меня о снисхождении. Ему и его недоумку-зятю, так неосмотрительно вложившему огромную сумму денег в реально прибыльное дельце, которое перестало быть таковым после моего вмешательства.

Горя от нетерпения вырвать счастливому ублюдку сердце, я наблюдал, как он наслаждается жизнью с женой, успешной знаменитой актрисой. Роскошной, шикарной женщиной, в которой я с трудом узнавал ту маленькую чистую девочку, которую когда-то полюбил. И жизнь которой поклялся превратить в настоящий Ад. Вот только наш Ад будет длиться вечно, до тех пор, пока я не смогу затушить её кровавыми слезами тот огонь одержимой тоски, что сжигает меня уже сто лет. А после... после я выкину её труп крысам, чтобы даже после смерти она не покинула меня и мой город.

Это не город, а выгребная яма. Самый настоящий колодец мрака и зловония. Да, я слышала, что такое Асфентус, но я даже на четверть не могла себе представить, насколько он полон разрушения зрительного восприятия, запахов, психики. Этот город давит на подсознание. В полном смысле этого слова. Он вроде и живой, но в тоже время мертвый. Пустые дома, брошенные полусгнившие машины, голые деревья, отсутствие дорог и электричества. Утопия. Но, тем не менее, он полон увеселительных заведений. Кишит ими. Самыми разными неоновыми вывесками, обещающими грязные развлечения. Ив остался за чертой города. Он не сказал мне ни слова и только кивнул, когда я попросила молчать.

Сейчас, стоя на улице без названия, я оглядывалась по сторонам и понимала, что потерялась полностью. Да и улицей эти закоулки трудно назвать.

Возле одного из домов раскачивалась от ветра детская качеля. Она издавала монотонный скрипящий звук, который бил по натянутым нервам.

«Ви, тебе понравится. Мы с мамой заказали ее именно для тебя. Идем, детка, посмотришь. Ни у кого нет и не будет такой качели, как у моей любимой девочки».

Голос отца такой нежный, красивый. Я любила его звучание, особенно когда он читал мне книгу перед сном. Любила его светло-голубые глаза, седоватые волосы.

Во дворе цвело множество мелких желтых цветов, они утопали в зелени под навесом, растянутым по периметру усадьбы.

Я взяла отца за руку, и он повел меня в сторону фонтанов, сказал, чтоб я закрыла глаза, но я и не подумала. Я ужасно любопытная и строптивая. Мы как раз проходили мимо пристройки, которую отец именовал клинкой, когда я увидела, как несколько человек (тогда я считала, что меня окружают люди) тащат на цепи, как хищное и опасное животное, полуголого мужчину. Их четверо, но они с трудом с ним справляются, хотя он закован в кандалы по рукам и ногам, а толстая цепь прикреплена к массивному ошейнику. По мощной шее пленника струйками стекала кровь. Он застыл, заметив нас, и я увидела, как из-под длинных волос, упавших ему на лицо, сверкнули дикой ненавистью разноцветные глаза. В тот же момент в руке одного из охранников появилась плеть с шипами, она со свистом рассекла воздух и обрушилась на голую спину пленника.

- На землю, тварь. На четвереньки, когда перед тобой стоит Господин.

Мужчина даже не вздрогнул, он продолжал смотреть на нас с отцом. Именно на то, как отец держит меня за руку. Его взгляд застыл, и он словно не реагировал на происходящее. Я вскрикнула и сжала руку отца с такой силой, что тот резко посмотрел на меня, а потом крикнул:

– Какого дьявола именно сейчас, черт вас всех раздери?!

– Вернулись с лаборатории, Господин. Ублюдок сегодня слишком строптив. Мы и половины не успели.

Я сглотнула и сжала руку отца сильнее. Пленник повел головой, тюремщики снова натянули цепь, словно сдерживая зверя, а потом на него посыпался град ударов, и по сильному мускулистому плечу потекла кровь, я всхлипнула:

– Не надо! Папа! Скажи, пусть перестанут бить его! Ему же больно!

Пленник с удивлением посмотрел на меня, прищурившись, стиснув челюсти и слегка вздрагивая, когда плеть снова и снова опускалась на его спину. Да. У него разные глаза и очень пронзительный взгляд.

Я смутно помнила, что уже видела его. Пару лет назад, в клинике. Мне было лет пять, и он мне казался очень большим и очень страшным. Но ни тогда, ни сейчас я его не боялась. В отличие от его стражей, которые держались от пленника на расстоянии.

– Прекратить. Увести немедленно. Чтоб я больше не видел, что вы водите объект этой дорогой.

Его волоком потащили к пристройке, а отец повел меня в глубь сада, к новой качеле, увитой розовыми лентами. Еще несколько раз я оглядывалась вслед пленнику, который так и не стал на четвереньки, и видела, как по бронзовой спине, распоротой шипами, течет кровь. Моё сердце защемило от сожаления.

Это была наша вторая встреча с Рино...с мужчиной, которого я безумно любила, из-за которого я превратилась в бесчувственную, сломанную куклу. В мертвую.

Тряхнула головой, отгоняя непрошенное воспоминание. Повернулась, реагируя на скрип покрышек автомобиля. Несколько минут я смотрела, как к девушкам возле обочины подъехал автомобиль, услышала шелест купюр, увидела, как

опустилось тонированное стекло и толстый палец со сверкающим перстнем указал на одну из проституток – сутенер затолкал её в машину. Тогда я еще не знала, что именно на этой улице стоят доноры, а не просто девушки, торгующие своим телом. Доноры-должники. Те, кто больше не вернуться с этой поездки никогда. Сумма, уплаченная сутенеру, пойдет в погашение долга. Все они накачаны наркотиками до неменяемого состояния. Им все равно, что с ними происходит. Но тогда я считала, что это просто ночные бабочки, презрительно поморщилась. Я уже несколько часов шатаюсь по этим грязным улицам, отыскивая хоть кого-то, кто мог бы отвести меня к проклятому хозяину этого города. В последнем притоне мне сказали, что только Эрл может помочь мне. Если бы я знала, кто такой этот Эрл. Официантка шепнула мне на ухо, где его искать. Около часа я шаталась по лабиринтам Асфентуса в поисках заведения с идиотским названием, как у дешевого порно фильма.

Улицы кишели всяким сбродом, шлюхами обоих полов, торгующими собой у обочин дорог, их сутенерами, наркодиллерами и их клиентами, покупающими товар прямо на улице. Не понимаю, как можно торговать собой за деньги? Как можно пасть настолько низко? Лучше вырвать себе сердце, чем позволить какому-то ублюдку трогать свое тело.

Наконец-то я нашла то самое место, которое так долго искала. Толкнула дверь и поморщилась от запаха табачного дыма, пота и другой непонятной мне вони. Я подошла к барной стойке, стараясь не обращать внимания на похотливые взгляды завсегдатаев притона и на голых официанток, снующих между столами с подносами в руках, на клетки с извивающимися в них стриптизершами, подвешенные к потолку. Порылась в кармане...но, естественно, ничего там не нашла... Усмехнулась. Теперь я нищая. Какая насмешка судьбы – из самого поднебесья на дно. В такое вонючее и проклятое место, о существовании которого я даже не догадывалась несколько лет назад.

Бармен несколько секунд смотрел на меня, ожидая заказа и, потеряв интерес, повернулся к другим посетителям.

– Угостить красавицу выпивкой?

Неприятный голос прямо над ухом:

– Нет! – даже не оборачиваясь.

– А зря. Ох как зря. Ты ведь голодна....очень голодна. У тебя бледная кожа и пересохшие губы. Давай не дадим друг другу умереть, детка. Такая чистенькая и хорошенькая.

Я резко обернулась и посмотрела в лицо мужчины со сверкающими желтыми глазами. Ликан. Меня передернуло уже в который раз. Видимо, только в этом чертовом месте могу сосуществовать все расы, которые почти не пересекаются в мире смертных.

– Отвали. Я здесь не за этим.

– Неужели? – он склонил голову и плотоядно посмотрел на мою грудь в вырезе черного платья. – А зачем ты здесь? Разве не для того, чтобы продать свои прелести подороже и не сдохнуть от жажды?

– Я ищу Смерть.

Ликан оскалился и захохотал.

– Смерть? Интересный способ свести счеты с жизнью...в таком случае, какая разница, если перед этим я хорошенько тебя оттрахаю?

Он протянул руку к моим волосам, и я молниеносно перехватив его запястье, оскалилась.

– Сегодня не полнолуние, псина. Угомонись, иначе я поужинаю тобой. Мне нужен Смерть. Хозяин вашего вонючего городка. Знаешь, как его найти? Если нет – то проваливай.

Лицо оборотня вытянулось, он вздернул одну бровь.

– Деткааа, это Асфентус. Здесь не нужно ждать полнолуния, чтобы разодрать вампира на ошметки или отыметь во все дыры прямо здесь. Уже бесплатно.

Я сглотнула и попыталась вырвать руку, одновременно нащупывая в кармане плаща лезвие кинжала. В этот момент меня стащили со стула и выкрутили руки за спиной, кинжал со звоном упал на грязный пол. Ликан медленно поднял его и

подошел ко мне.

– Новенькая в нашем милом городке. Не знаешь, с кем имеешь дело, верно? Ничего не знаешь.

Я дернулась, но меня крепко держали несколько ликанов.

– Мне нужен Смерть, и я ему нужна, так что отведи меня к нему.

Ликан осмотрел меня с ног до головы.

– И кто ты такая, если возомнила, что наш Хозяин тебя ждет или, – он расхохотался, – ищет. Запомни, сука, если бы Смерть искал тебя, то уже давно бы нашел, и ты не расхаживала бы здесь.

– Я Виктория Эйбель.

Ликан захохотал еще громче.

– А мне похер, кто ты. Хоть Мария Магдалена. Может, он тебе и нужен, а вот ты ему вряд ли. У него шлюх, которые мечтают попасть в его постель, тысячи. Я лично ему их и поставляю.

Ликан склонился по мне и провел языком по моей щеке, заставляя задохнуться от омерзения и желания впиться ему в горло и не разжимать челюсти, пока он не сдохнет.

– Вкусная... Ведите ее наверх, ко мне. Вначале я попробую ее сам, а потом свяжусь с Рино.

– Позвони, Арно, не тупи. Хер его знает, кто такая эта сучка. Тебе не нужны неприятности со Смертью.

– Свяжись с ним. Он знает, кто я.

Последнюю фразу я прокричала, когда меня тащили по лестнице мимо вспарывающих вены наркоманов и бешено трахающихся прямо у потрескавшихся стен бесполок существ. Меня затолкали в комнату, освещенную красными лампочками, и захлопнули дверь.

Твою мать. Надо было взять визитку или то письмо. Хоть что-то. Я в отчаянии осмотрелась по сторонам. Я в Аду. В каком-то идиотском кошмарном сне.

Через несколько минут послышались шаги за дверью. Я вжалась в стену, тяжело дыша. Просто так этот урод меня не получит, вначале я оставлю дырки в его теле от когтей и клыков.

- Поехали, сучка. Он и правда тебя ждет...но не могу сказать, что тебе повезло.

Он повернулся к своему товарищу и кивнул на меня:

- Завяжи ей глаза.

Глава 4

Я сидел в кресле, наблюдая, как вышагивает из угла в угол Арно. Меня раздражала сейчас любая суета. Что-то тревожило моего помощника, но пока разбираться в этом не было ни времени, ни желания. Краем глаза взглянул на часы. Какого хрена эти ублюдки опаздывают? Чем дольше я сижу в собственном кабинете в ожидании, тем больше напоминает он мне мою клетку. Сердце заходится в том же бешеном ритме, как в те годы, когда я после очередных пыток или тотализатора лежал полумертвый и не знал, придет ли она? Увижу ли я ее хотя бы еще один раз перед тем, как сдохну? Или снова вернется Доктор, и я опять не буду знать, какую мучительную процедуру он для меня придумал сегодня. Боялся не самого ублюдка, упорно ломавшего меня на протяжении столетий, а того, что ему всё же удастся сделать это.

Вот и сейчас неизвестность слегка приводила в смятение, омрачая чувство полного триумфа. Наконец-то я получу Викки в своё полное распоряжение.

Я заставляю ее пожалеть о каждой секунде, когда я был в одиночестве и ненавидел себя за то, что вообще существую. Я буду ломать ее день за днем, минута за минутой, и упиваться каждой победой над этой сукой. И плевать, с какой целью Викки искала меня. Приговор себе она подписала, всего лишь ступив на мою землю, а вот приводить его в исполнение буду я, мучительно и медленно.

В дверь осторожно постучали, и Арно приказал войти, остановившись у окна.

Их было двое. Возомнивший о себе невесть что ликан и Викки в черном платье до колен. С растрепанными длинными рыжеватыми локонами, в порванных колготках. Метнул яростный взгляд на ликана, но тот отрицательно качнул головой. Значит, не тронул. Понимающий сукин сын, прекрасно знал, что, если нарушит мои указания – сожрет собственные яйца. Они завязали ей глаза, как я и велел.

Эрл грубо толкнул женщину ко мне, и я зарычал, невольно подавшись вперед и желая схватить ублюдка за горло.

Зрачки ликана мгновенно расширились от ужаса, и он отступил назад, выставив вперед руки. Правильно, мразь! Никто не имеет права прикасаться к ней. Только я. И только я могу делать ей больно. Я, бл***ь, заслужил это право. Но никто больше. Ни волоска, ни кончиком пальца – порву на ошметки.

– Господин, я привёл, как Вы и приказали. – Ликан склонил голову, затрясшись всем телом. Резкий запах псины усилился, смешавшись с запахом липкого, унижительно-раболепного страха. Я привык. Он доставлял мне удовольствие этот запах. Знать, что они готовы мочиться кровью в штаны только от одной мысли, что я могу разозлиться.

– Ты опоздал на десять минут, ликан. – Я встал и обошёл стол, приближаясь к нему. – То есть ты потратил целых десять минут моего времени, пёс. А моё время очень дорого.

Я развернулся к Арно и кивнул ему, указывая на дверь:

– Пусть посидит в волчьей яме. На голодном пайке. Десять дней. Один день за минуту моего времени – не так уж много.

Арно вышел, схватив за локоть ошарашенного и начавшего несвязно лепетать сутенёра. Дверь захлопнулась, и я буквально почувствовал, как вдруг напряглась Викки, всем телом. Протянул руку, срывая повязку и отступая на шаг назад, давая возможность понять, к кому она попала.

Ещё секунду назад я ясно слышал, как наши сердца танцевали в каком-то бешеном ритме известный им один танец, пускаясь вдогонку одно за другим, нападая и защищаясь. А уже сейчас вдруг воцарилась абсолютная тишина, которая прерывалась лишь тихим потрескиванием воздуха. Да, напряжение вокруг было настолько сильным, что, казалось, его можно слышать и даже потрогать. Так было всегда в ее присутствии. Я наэлектризовывался и походил на пороховую бочку, готовую взорваться. Раньше от дикой страсти и большой любви, а сейчас от ненависти, сжиравшей меня все эти годы, выворачивающей наизнанку.

Мы так и стояли друг напротив друга, затаив дыхание и сохраняя молчание. Как будто на кладбище собственных иллюзий. Когда не хочется даже сделать вдох.

Я демонстративно оглядел её снизу вверх, намеренно долго разглядывая ноги и грудь, и поднял глаза к её побледневшему лицу. Изменилась... и одновременно с этим все та же. Но есть эта неуловимая, но яркая разница между смертной и вампиром. словно каждая черта ее идеально красивого лица стала намного ярче, а тело соблазнительней. Мне одновременно хотелось и смотреть на нее, зверея от тоски за все эти годы, и в тот же момент уничтожить эту идеальность, сломать, раскромсать, превратить в грязь.

Скрестил руки на груди и склонил голову вбок, наблюдая, как сужаются ее зрачки. Кажется, девочке не нравится ждать.

– Итак, Виктория Эйбель. Видимо, ты единственная в твоей проклятой семейке у кого есть яйца, так?

– Яйца? Как интересно ты выразился. Нет – желание спасти свою семью. Рино? Смерть? Как мне к тебе обращаться? Присесть в реверансе?

Я усмехнулся, наблюдая, как медленно заливает румянец злости бледные щёки. Как она гордо вздернула острый подбородок. Острая на язык, как и всегда. Правда, раньше таким тоном она разговаривала со всеми, кроме отца...и меня. Со мной она всегда была нежной и ласковой. Со мной она всегда играла роль. Грёбаная актриса!

Сделал шаг навстречу, подошел практически вплотную:

– Просто Господин, Викки. Твой Хозяин. И можешь не вспоминать технику реверансов. Достаточно держать дерзкий язык за зубами, и тогда, возможно, ты пострадаешь не так сильно, как мне хотелось бы.

– Господин? – она нервно усмехнулась. – Хорошо, Господин. Обойдемся без реверансов. К делу? Да? Что ты хочешь взамен на то, чтобы моей семье дали отсрочку с долгом?

Она тянет время. Я усмехнулся и обошел вокруг нее, зная, как это раздражает, когда тебя рассматривают. Лихорадочно думает, как себя вести со мной. Что ее ждет здесь, и чего я хочу. А еще она блефует. Семейке Эйбеля и Рассони понадобятся года, столетия, чтобы вернуть былое могущество. Отсрочка не поможет. Только полное прощение долга.

Викки упорно держала свой взгляд на уровне моего подбородка, но, надо признать, не отвернулась даже тогда, когда я склонился к ней, втягивая в себя её запах. На секунду прикрыл глаза, позволяя ему проникнуть в меня, войти в поры кожи, чтобы навсегда остаться со мной.

А когда открыл глаза, понял, что Викки пошатывало далеко не от страха. Она была голодна. Вот откуда эта мертвенная бледность. На какое-то жалкое мгновение сердце замерло от жалости, чтобы потом забиться в диком триумфе. Всё, как я и планировал. Униженная, обнищавшая, голодная приползла ко мне сама. Правда, ещё не зная, во что ввязывается. А, впрочем, так было даже интереснее. Ведь поиграть с жертвой перед её смертью намного забавней, чем просто съесть её.

– Отсрочка? А разве я когда-нибудь говорил о такой возможности, Викки? Это твои глупые надежды или тебя так искусно ввели в заблуждение те двое бесхребетных ничтожества, пославшие женщину спасти их шкуры? Улыбнулся,

увидев, как медленно в светло-сером взгляде появляется вопрос. Девочка ещё не до конца поняла, в какую игру влезла.

– Я поставил чёткое условие, Викки. Или деньги, или донор. Кровь, – провёл пальцем по вене, пульсировавшей на шее, – единственная валюта в нашем мире, которая не обесценится никогда. Я ведь прав, девочка?

От прикосновения к ней прострелило током и в горле пересохло. Она подняла на меня взгляд, а потом оттолкнула мою руку, но я резко схватил ее за горло, вглядываясь в бледное лицо.

– Донор? Посмотри на меня. Ты это говоришь мне. Плевать, сколько проклятых, гребанных лет прошло. Ты ведь все это затеял специально, да? Ты все это время вел мою семью к краху. Тебе было недостаточно того, что ты тогда сделал со мной? Ты жаждал мести, да? Все было из-за проклятой мести, которую ты вынашивал там минутами и часами. Чего ты хочешь? Моей крови? Смерти?

Ее голос зазвенел в пустом кабинете, отталкиваясь от стен и вспарывая мне мозги.

Я сделал? Я? Сделал? Ей? Похоже, эта сука решила продолжить игру, которую вела когда-то. Вот только зритель с того времени изменился настолько, что теперь его интересовали только фильмы, наполненные болью и мучительной агонией героев.

Ярость затуманила голову, посылая к чертям намерение как можно дольше растянуть удовольствие держать её в неведении, дать ей ошибочную надежду на лучший исход, чтобы потом цинично отобрать.

К дьяволу всё! Пусть знает с самого начала, что её ждёт. Пусть приготовится гореть в одном из кипящих котлов Ада, умирая каждую ночь и возрождаясь на утро, чтобы бесконечно продлевать ожидание собственной смерти. Пусть знает, что я – тот, кто будет упорно поддерживать огонь под этим котлом. Вечно. Пока мне не надоест.

Перехватил тонкое запястье и развернул её к себе спиной, толкая к стене, больно сжимая руку. Наклонился к уху, испытывая огромное желание вгрызться в тонкую кожу шеи, а после бросить на пол и смотреть, как она корчится от

боли, хрипя и вымаливая пощады. Интересно, ее папочка поставил ее в известность, что Носферату всеядны. И что мне по хрен чьей кровью питаться?

– Да! Я затеял всё ЭТО специально! – намотал на ладонь шелковистые длинные пряди. – Да! Я всё это время вёл твою семью к краху! – оттянул её голову назад, открывая доступ к шее. – Да! Я жаждал мести! Да! Я хочу твоей крови! Твоей боли! – грубо дёрнул её за волосы, заставляя смотреть мне в лицо. – И, да! Я хочу твоей смерти! И каждого из тех, кто тебе близок! Мог бы, я бы загрыз и твою собаку.

Посмотрел в глаза, наполнившиеся испугом, и довольно улыбнулся, почувствовав, как страх касается её кожи, поселяясь внутри.

Викки старалась держаться, а меня это приводило в бешенство.

– Так чего ты тянешь? Убей. Тебе ничего не мешает, верно? Я пришла. Я выполнила свою часть сделки. Выполни ты свою – не трогай моего отца и моего мужа. Или король... – она усмехнулась, и меня на секунду пронзила ослепительная вспышка, как удар током, от ее красоты, – Асфентуса не держит свое слово?

В серых глазах плескался огонь ненависти, разбавленный сполохами ужаса и смятения. Именно тот коктейль, которого я добивался. Пока достаточно и этого. Через некоторое время языки пламени, наполненные непониманием, исчезнут из её взгляда навсегда. И его поглотит жгучая ненависть ко мне, отливая обжигающе чёрным. Я вытащу из нее все эмоции, самые уродливые. Заставлю быть самой собой, чтобы ползала у моих ног. А потом... после... уйдёт и ненависть, оставив на пепелище только жуткий серый дымок первобытного страха. Совсем скоро я буду упиваться им досыта.

– Нет силы, способной помешать мне поступить с тобой так, как я захочу, Викки... – я резко вонзил когти в её грудь, разрывая плоть, мгновенно добираясь до сердца, придерживая красивое, нежное лицо за подбородок и усмехнулся, когда она ахнула, а по ее щекам покатились слезы.

– Но я не заключал с тобой сделки. Ты мне нужна совершенно для другого, девочка... – я сжал пальцы, с улыбкой наблюдая, как кровь отхлынула от и без

того бледного лица. Она прикрыла глаза, видимо, приготовившись умереть, и я зарычал, пока она не посмотрела на меня снова. – Мне всё ещё нужен донор. И я получу его.

Она застыла. Возможно, Викки не верила....не верила, потому что еще никогда раньше мои руки не касались её, чтобы причинить боль. А сейчас...я держал пальцами её сердце. Это не просто пытка. Это агония, когда от болевого шока жертва не может даже закричать.

– Жаль, что ты...так долго...ждал...а не ...сделал это...тогда, – прошептала, едва шевеля пересохшими губами.

Я смотрел на неё, и на мгновение ярость отступила назад, а пальцы, ощущавшие мягкое сердце, испуганно отстукивавшее мелодию прощания, разжались. О чём она шепчет так тихо, что я еле услышал? Когда тогда? Когда она равнодушно согласилась оставить меня ради другого? Или когда она неистово целовала меня, умоляя вернуться за ней? Что означали эти слова? Или решила сменить тактику и отказаться от роли дерзкой девчонки? Думает, что жертве несчастной любви удастся смягчить меня?

Я расхохотался, вынимая руку из её грудной клетки. Моё сердце осталось трепыхаться в предсмертной агонии под окнами её комнаты. С тех пор прошло уже слишком много лет, чтобы оно было в состоянии биться. Виктория Эйбель сама скормила его псам, охранявшим роскошный особняк её отца. Ну а то, что колотилось сейчас в моей груди, всего лишь мотор, заставляющий функционировать тело. Не больше, не меньше.

Викки начала сползать по стене, не в силах устоять, и я приподнял её, придерживая за плечи. От прикосновения к нежной коже кровь ударила в мозг. До боли захотелось попробовать её на вкус. Почувствовать в своих объятиях.

Я провёл пальцем по округлому плечу, спускаясь вниз по руке, животу и ниже, задирая подол платья. Наблюдая, как вдруг участилось её дыхание, и удивлённо распахнулись глаза.

Коснулся нижнего белья и улыбнулся, просунув один палец за резинку трусиков.

– Ты помнишь, Викки?

Её тело, отзываясь на прикосновение, покрылось снова мурашками.

Отвращение? Ужас?

– Помню что? Как трахал меня когда-то? – нагло спросила она, и сжала челюсти.

Я поднял взгляд к её лицу:

– Да. Именно. Как я трахал тебя. Тебе же нравилось, Викки... – я сглотнул, опустив глаза к пятну, расплывавшемуся по ткани на груди. Дикое желание войти в неё именно сейчас, когда она истекает кровью в моих руках, затопило с головой. В брюках резко стало слишком тесно, член запульсировал, требуя разрядки. Сколько раз я представлял, что буду иметь её вот такой. Сломленной, испуганной, окровавленной. В горле зародился рык удовольствия. Я притянул её к себе, зарываясь руками в густые волосы. Сначала нежно, а потом резко сжал пальцы с такой силой, что на её глаза навернулись слезы боли.

– И я буду снова и снова это делать, девочка. Но теперь уже, * довольно оскалился, когда она ахнула от боли,– игра пойдёт по моим правилам.

– Делай со мной, что хочешь, Рино, только Армана не трогай. Он вообще никакого отношения к моей семье не имеет.

Я оцепенел от неожиданности. Эти слова о НЁМ... Она будто окатила меня ведром ледяной воды. Тварь! Я оттолкнул её от себя, с удовольствием наблюдая, как она сползает по стене на пол, обессилена сворачиваясь калачиком у моих ног.

– Я и так сделаю всё, что захочу. И с кем захочу! И я больше не желаю слышать это имя. Поняла меня?

Последние слова проорал, сев на корточки возле неё. Она пошла на смерть ради НЕГО, а ради меня...ради меня она была даже не способна сказать правду своему отцу, настолько мерзкими и постыдными казались ей объятия и ласки ублюдка Носферату.

Ярость не хотела отпускать. Викки боялась. Я чувствовал её страх кончиками пальцев в прикосновениях к ней, я ощущал его при каждом вдохе. Но и сейчас, с

окровавленной грудью, она думала о своём муже. О долбаном ублюдке, так просто получившем мою женщину. Внутренний голос тихо зашептал, что Виктория Эйбель никогда не была моей. Что не стоит портить себе удовольствие от игры и кончать с нею так скоро.

Я вышел из кабинета. Следовало распорядиться, чтобы её накормили и отвели в комнату, которую я приготовил для неё много лет назад. Ей ещё рано умирать. Наша игра будет бесконечной.

Глава 5

18*** г.

Я писала ему письма, конечно, зная, что никто их не прочтет для него кроме меня, поэтому не отправляла. Они все, перевязанные бордовой лентой, лежали в ящике моего стола в особняке в пригороде Парижа. Возможно, это странно – писать письма тому, кто никогда не умел читать и вряд ли научится, но я должна была все ему рассказывать. Я привыкла за те месяцы, когда приходила к его клетке, ставила кресло и читала вслух книги. Тогда я считала нормальным, что кто-то сидит на цепи в неволе, лишенный всех человеческих прав и даже имени. Тогда были другие времена, я не знала, кто меня окружает и жила в счастливом неведении. Возможно, так же жили дети в других странах мира, когда рабство не считалось чем-то необычным и постыдным, когда жестокость не скрывали так тщательно, как сейчас. Кто-то ставил себя выше других, решал, кому жить, а кому умирать, как жить, чем жить и с кем. Я не знала, что лучше: та ужасающая откровенность, голая и неприкрытая черствость и в то же время ханжество, или лицемерие нынешнего мира, в котором ничего не изменилось, за исключением более надежных масок, лживых, прикрытых благими намерениями и соблюдением законов Братства. Я была обычной смертной, которую растили вампиры. Нонсенс. Мне не рассказывали о моих родителях, я не помнила их. Потом, спустя годы, я узнаю, что меня удочерили после того, как моих родных отца и мать сослали в ссылку. Отец умер от «падучей» болезни, а мать... мне так и не рассказали, что с ней произошло. Альберт нашел меня по настоянию своей жены – Элены. Они вырастили и воспитали меня. Любили, обожали и баловали,

всячески ограждая от лишних знаний и от их собственного мира за гранью человеческой реальности. Спустя столетия я начну понимать, насколько абсурдно сочетание дикой жестокости к окружающим и, в тот же момент, любовь к своему ребенку.

В то время я считала, что меня окружают люди, и не одобряла действий отца, но не могла осуждать. К тому же, меня потчевали лживой сказкой о великих открытиях для человечества, второсортности заключенных в подвалы лаборатории объектов. Их опасность для общества я видела сама, так же, как и то, что мой отец совершает самое благородное дело – дает возможность этим недосуществам приносить пользу для других. Ведь мой отец врач. Ученый. Он сделал много полезных открытий в медицине для того времени. Изобрел чудодейственные лекарства, первые вакцины и противоядия для своих братьев, а я еще не понимала, какой ценой сделаны эти самые открытия. Сколько трупов закопано за каменной оградой с тыльной стороны нашей усадьбы. Какие жуткие опыты проводились, в каких диких условиях содержали несчастных, обреченных на смерть в застенках клиники Эйбеля. Он был гением, любящим меня до безумия, а по сути – чудовищем. Намного страшнее, чем те, кого он заковал в цепи в подвалах нашей усадьбы.

В том возрасте меня устраивали иные объяснения. Впрочем, скрывалось так много, что я не знала истинного положения вещей. Я узнаю его намного позже, когда стану старше и у меня откроются глаза на слишком многое.

Мое чтение вслух было одним из экспериментов. Отец записывал реакцию объекта на самые различные литературные произведения.

Я читала вне зависимости от того, как вел себя заключенный в клетке. Он мог игнорировать меня, мог слушать, мог с ненавистью смотреть на отца и греметь массивной цепью. Но два раза в неделю я была обязана ему читать. Отец не знал одного – я делала это с удовольствием. Одинокому ребенку, изолированному от других детей, выросшему в своем собственном мире с частными учителями, горничными и няньками, было не с кем общаться. Одиночество толкает на странные поступки. Меня оно толкнуло к тому, кто, по сути, никогда не должен был стать мне ближе бродячей и больной собаки.

Уже тогда я мечтала стать актрисой. Он был первым моим зрителем, потому что я играла для него различные роли, а не просто читала. Меня увлекало, и я не могла остановить поток эмоций. Со временем стала приходиться каждый день.

Даже когда мне казалось, что он не слышит меня, я все равно играла для него. А иногда его все же увлекало мое чтение. Вскоре я определилась, какие произведения нравятся ЕМУ больше всего, и читала именно их. Он оживлялся, придвигался ближе к толстым прутьям клетки и, не моргая, смотрел на меня. А мне нравилось, что он слушает, склонив голову на бок. Шли месяцы. День за днем. Я уже не только читала вслух. Иногда я просто рассказывала, как прошел мой день, где я побывала с отцом и что видела. Какой мир снаружи его клетки. Я говорила с НИМ обо всем. О своем идиоте-учителе по английскому и о глупой горничной, которая не может запомнить, что я ненавижу розовый цвет. О своей гувернантке, о двух щенках, которых мне подарил отец, о том, что мама последнее время уезжает надолго из дома, и я скучаю по ней. О канарейке за окном моей спальни, о цветах, и том, как они пахнут. О своих любимых блюдах, о том, как путаются мои волосы по утрам, и как долго я расчесываю их, прежде чем ведьма-Марта придет с гребнем, чтобы укладывать мою вьющуюся шевелюру в прическу. О своих мечтах...Оказывается, мы можем рассказать очень много, если нас просто слушают, а он слушал. Всегда.

А потом я придумала ему имя – Рино. Пройдет еще немало времени, прежде чем я назову его так вслух. Я все больше и больше времени проводила со зверем. Охрана пропускала меня без проблем. Это потом я узнала, что только во время моих посещений он тихо сидел в клетке, а когда я уходила – бесновался, пытался сорвать цепь, тряс прутья решетки, рычал. Рино так и не принял свою неволю, несмотря на то, что не знал свободы. Но она жила внутри него. Он не смирился, никогда не ломался, что бы с ним не делали и как бы не унижали, но на колени не поставили. Физически – да, но не морально. От него веяло гордостью, которая въелась ему в вены. Некоторые рождаются с дикой волей к свободе, будучи рабами. Он не склонял головы ни перед кем. Его ломали так жестоко, как только вообще могли ломать живое существо, а он восставал из пепла еще более строптивым и дерзким, чем был до этого. Но именно благодаря этим качествам Рино выжил в этих условиях. Остальные превращались в бессловесный хлам, а потом и вовсе исчезали. Охранники, наверное, сошли бы с ума, если бы знали, что я сидела на полу у самых прутьев, а он, вцепившись в них пальцами, часами слушал то, что я читала или рассказывала. Иногда мне даже казалось, что он меня ждет. Несмотря на то, что мы не разговаривали, я понимала его эмоции по глазам. Рино называли жутким уродом, монстром, тварью. А мне он казался очень красивым. Как дикий хищник, который томится в неволе. Его мускулистое тело, грация движений, вперемешку с резкостью и молниеносностью завораживали меня. Особенно взгляд. Я видела в нем тысячи оттенков самых разных эмоций и никогда ни одна из них не вызывала во мне страха. Я смотрела на Рино и любовалась его бронзовой кожей, длинными,

спутанными, темными волосами, его резко очерченными широкими скулами и ровным носом, чувственными губами и тем, как они иногда подрагивали, если он увлеченно слушал очередную историю в моем исполнении. Иногда мне даже казалось, что в его разноцветных глазах блестят слезы или сверкают искры веселья. Он никогда не смеялся и не плакал вслух. А я содрогалась всем телом, если видела на нем новые шрамы. Я мечтала вырасти и забрать его отсюда, чтобы он жил в моем доме и чувствовал себя человеком, чтобы никто и никогда не причинял ему боль. Я эгоистично хотела, чтобы отец нашел другой объект, а Рино отдал мне, все еще не понимая, что само слово «отдать» уже не подразумевает свободу воли, но я была ребенком. Это сейчас я знаю цену свободе и осознаю всю чудовищную жестокость, которую мы проявляли по отношению к тем, кого считали ниже себя.

Единственное, что я могла тогда сделать для Рино – это закатывать истерики, когда во время моих посещений его забирали охранники. Несколько раз мне даже удавалось их остановить, но чаще его уводили. Потом несколько дней меня не пускали к нему. Когда истерзанное тело возвращали в клетку, на нем не было живого места, это я узнаю и увижу потом, спустя годы. А тогда я дико боялась, что однажды он не вернется. Как те, другие, чьи клетки видела пустыми, после того, как их уводили. В тот раз, когда многое начало меняться в моем сознании, в моем отношении к Рино, я бежала за охранниками по снегу, раздетая, в легком домашнем платье и кричала, чтоб его оставили в покое, била здоровенных мужчин маленькими кулаками и тащила на себя тяжеленную цепь. Просто в тот раз я услышала, как они говорили, что, возможно, этих опытов объект не переживет и всеми силами пыталась помешать. Но какие силы могли быть у хрупкого подростка в сравнении с вампирами? Только их страх перед моим отцом. И именно он заставлял их выполнять его приказы, и уж точно не мои.

Меня забрали слуги, насильно увели в спальню. Я заболела. Видимо, простудилась. Человеческие дети очень хрупкие существа. Меня лихорадило, все тело горело, сильный кашель мешал спать, и я задыхалась по ночам. Наверное, это была пневмония. В то время от нее умирали, но, несмотря на то, что я не могла встать с постели, даже приподнять голову, я не переставала думать о Рино. Это были первые зачатки моих чувств к нему. Я начала сильно тосковать. Я мучилась от неизвестности и не решалась спросить у отца, жив ли он. Отец бы не понял. Это было неправильно, постыдно, запретно – спрашивать об объекте. Даже будучи ребенком, я уже понимала, что мои чувства к нему неправильные.

Когда в болезни настал кризис, и отец с матерью долго спорили за дверь мою спальни, я, дрожа всем телом от лихорадки, лежала и слушала, как гремят внизу цепи, слышала рык, и с какой-то болезненной радостью понимала, что он жив, а еще, как бы абсурдно это не прозвучало, тоскою не я одна. Мне стало легче. К утру спал жар, и я пошла на поправку. Меня могли назвать сумасшедшей, а я бы и не осмелилась кому-то сказать о своих догадках. Мне бы не поверили. Объекты не умеют чувствовать, они лживые твари и они хуже животных. Существуют лишь за тем, чтобы над ними издевались и унижали, для этого их создала природа. Я с этим выросла. Меня учили так думать. Но кто сказал, что я была с этим согласна?

Первым делом, когда смогла встать с постели, я пошла к нему. Не пошла, а побежала, на слабых, дрожащих ногах, худеющая, почти прозрачная, я перепрыгивала через ступеньку, спускаясь вниз, в подвал, с дико бьющимся сердцем и сумасшедшим желанием наконец-то его увидеть. Мне тогда было тринадцать. Наверное, это тот самый возраст, когда пробуждаются девчоночьи фантазии, первая любовь, мечты. Только если мои сверстницы мечтали о принцах, серенадах под окнами и прогулками под луной, как в красивых романах Вальтера Скотта, я мечтала о том, что однажды дикий зверь на цепи заговорит со мной. Я заберу его далеко-далеко, где никто не узнает, что он заключенный, и мы будем жить вместе. А еще – я не любила Скотта, я любила мрачного Шекспира. Его трагедии, которые заставляли меня рыдать и чувствовать себя живой. Именно их я чаще всего читала ему.

Когда спустилась по ступеням, увидела, как Рино резко встал с матраса и молниеносно оказался у прутьев клетки, вцепился в них пальцами. Он жадно меня осматривал с ног до головы. Это был первый раз, когда я подошла очень близко. Настолько близко, насколько не отважился бы никто из охраны. И тогда я заметила на нем множество ран. Мелких порезов, следов от ударов. Пока я металась на постели в лихорадке, его безжалостно и методично избивали за то, что он ломал свою клетку, гнул массивные прутья.

Глядя на рваные раны, я сама не знаю, как осмелилась...но я протянула руку и коснулась его щеки с глубоким порезом. Он дернул головой, и мы оба замерли. Я с протянутой рукой, а он застывший и смотрящий прямо мне в глаза. И вдруг зарычал, оскалился, дернул решетку с такой силой, что задрожали стены. Его лицо стало жутким. Звериной маской, в которой не осталось ничего человеческого. Возможно, он пытался напугать меня, чтобы я убежала и больше не приходила. Увидела истинную сущность монстра. Поняла, насколько он

опасен для меня. Только я не боялась. Тогда я подумала, что он рычит от боли.

– Очень больно? – шепотом спросила я и все же коснулась его щеки, покрытой сетками вен бордового цвета.

В этот раз он не отшатнулся, а я провела кончиком пальцев по едва затянувшейся ране. Мне было так невыносимо больно, словно это мои раны, словно это моя кожа распорота шипами плетки. Медленно потух фосфор в глазах, в них отразилось дикое недоумение, и жуткое лицо снова стало человеческим. Я убрала спутанные пряди волос с его лба, очень осторожно, едва касаясь.

– Не сопротивляйся им больше...пожалуйста. Я не хочу, чтоб тебя били. Не сопротивляйся, – попросила я, – обещаю тебе, Рино!

Я даже не почувствовала, как по моим щекам текут слезы. А он протянул руку в кожаной перчатке, тронул влагу на моей щеке, поднес пальцы к губам и облизал.

– Это слезы, – тихо сказала я, – они солоновато-горькие. Люди плачут, когда им больно физически или морально. Когда им очень-очень больно.

– Тебе больно?

И в этот раз вздрогнула я. Это был его первый вопрос ко мне за долгие месяцы полного безмолвия. Он заговорил со мной. Оказывается, Рино умел говорить. А я считала его... впрочем, меня учили так считать. Мы все ошибались. Не все такое, каким кажется на первый взгляд. Особенно для меня. Разве я знала, что передо мной вампир, которому больше сотни лет и он повидал столько, сколько я не успею в человеческом теле, даже если проживу несколько жизней? Ведь на вид ему можно было дать не больше двадцати – двадцати пяти.

– Да...мне больно, когда больно тебе.

Ответила я и снова тронула его рану на скуле. Он слегка прищурился, глядя на меня.

– Рино?

Я кивнула.

– У всех должно быть имя. Меня зовут Виктория...Викки. Ты ведь знаешь. А я... я буду звать тебя Рино. Когда-то я читала легенду, очень красивую кельтскую легенду, о воине-варваре. Его звали Рино. Ты похож на него.

И я впервые увидела, как монстр улыбнулся. Часто говорят, что улыбка преображает лицо. Но то, что произошло с ЕГО лицом от улыбки, не смог бы понять никто, если бы не увидел, как я. Она меняла Рино до неузнаваемости. В эту секунду он казался мне не просто красивым, а ослепительным. Очень белые зубы, чувственный изгиб губ и выражение глаз...совсем другое. Некая минута откровения, когда он сбросил маску чудовища. Ту самую, которую все от него ждали.

– Я согласен, девочка. Пусть будет, Рино, – у него необычный голос. Очень низкий, с хрипотцой.

Он принял свое имя, и я даже показала ему, как оно пишется. А на следующий день он просил меня написать мое имя. Хотя, «просил» – это громко сказано. Рино не умел просить, как и не умел жаловаться, унижаться, стонать и кричать от боли.

– Напиши – Викки.

Я написала, он забрал листок бумаги и спрятал под матрас. Много лет спустя, я увижу на этом свернутом вчетверо клочке имя «Викки», написанное тысячу четыреста шестьдесят восемь раз. Ровно столько дней я была во Франции. Темно-коричневые буквы на пожелтевшей бумаге. Рино никогда не имел чернил... он писал мое имя кровью.

После болезни, а, возможно, узнав ее истинную причину, отец отправил меня в Европу учиться. На четыре года. На бесконечные, вечные четыре года, в течение которых я каждый день писала Рино письма и надеялась, что когда вернусь, он еще будет там... Сейчас я понимаю, что уже тогда я любила его. Той самой светлой, первой любовью, которая только зародилась. Хрупкой, нежной, противоестественной для нас обоих. Любовью, которая после моего

возвращения перерастет в дикую страсть, а потом и в болезненную одержимость.

Глава 6

{«...Объект не приходит в сознание уже более сорока восьми часов. Единственными признаками, подтверждающим, что он ещё жив, являются слабое сердцебиение и еле заметное дыхание. В случае, если в течение двенадцати часов Объект не выкажет других признаков жизни, рекомендуется его уничтожить...»}

Есть ли свет в конце тоннеля? Видят ли умирающие, лёжа на смертном одре, ангелов, зовущих их к себе? Слышат ли голос Всевышнего, взывающий к ним? Люди тысячелетия задавались этими и подобными им вопросами. Можно подумать, понимание того, что тебя будет ждать какой-нибудь инфантильный белокурый ангел у ворот Рая, поможет легче принять собственную смерть. И те, кто утверждают именно так, очень сильно ошибаются, и, что намного хуже, вводят в заблуждение других идиотов.

Я лежал на этом грёбаном смертном одре, правда, не на шёлковых простынях и в окружении близких и родных, а на холодном металлическом столе и в полном одиночестве, иногда нарушаемом тихими голосами Доктора и его помощников. И я с абсолютной уверенностью могу утверждать, что ТАМ никого из нас не ждут ни ангелы, растягивающие на губах лицемерные улыбки, ни тот самый таинственный свет в конце тоннеля. Нет никакого тоннеля. И света тоже нет! Есть только непроглядная тьма, впившаяся в тебя своими жирными скользкими щупальцами. Она вокруг тебя. Она пугающе беззвучна тем самым особым безмолвием, которое давит на уши хуже, чем похоронный звон колоколов. И эта мгла вокруг тебя настолько реальна, что начинает казаться, протяни руку и коснёшься её, ощутишь, насколько она тяжёлая. А ещё она не мёртвая. Она живая. Она существует за счёт твоих жизненных сил. Она входит сквозь поры, ты вдыхаешь её с каждым вдохом, и вот уже она начинает высасывать из тебя

жизнь, жадно и быстро или же мучительно медленно, растягивая твою агонию, пока ты лежишь безмолвным овощем, понимая, что у тебя не остаётся шансов. ОНИ дали тебе всего двенадцать часов на то, чтобы вынырнуть из этой трясины и вдохнуть насквозь пропахший медикаментами воздух. И вроде бы ты сам себе задаешь безмолвный вопрос, а зачем бороться? Разве не лучше сдохнуть тут, на этом столе, и тем самым прекратить собственные мучения? Не лучше ли сдаться? Вряд ли то, что ждёт меня после смерти, будет хуже того, что я видел при жизни...

Вот только какая-то часть внутри тебя не даёт смириться с этой безысходностью раньше времени. Она призывает к борьбе с темнотой, с собственной слабостью и с самим с собой.

{ "Ты должен выжить! – шепчет она. – Ты должен вырваться! Свобода! – кричит она. – Они должны поплатиться! Мсть!" } – голос неожиданно срывается, и ты понимаешь, что сделаешь что угодно, но вырвешься из цепких лап старухи с косой. Как ни странно это звучит, но ты даже готов сдохнуть ради того, чтобы выжить. Мсть – это чертовски сильный мотиватор. И вот ты начинаешь свою игру со смертью. Посылаешь мысленные сигналы организму, заставляя вдвое быстрее работать сердце, разгоняя кровь по венам. Ты убеждаешь самого себя, что обязан очнуться. Что двенадцать часов – это слишком мало для того, кого ждёт вскоре целая вечность по ту сторону реальности. Но тому, у кого появилась цели для дальнейшего существования, достаточно и этого срока.

{ «...Объект пришёл в сознание за шестьдесят минут до истечения времени, отведенного ему на восстановление. В 19.38 Объект неожиданно принял сидячее положение и издал трубный звук, похожий на рычание. В лаборатории, помимо него, находилась доктор Шварц...» } }

Тьма постепенно убывала назад, шипя и скалясь, не желая выпускать из лап свою законную добычу, но с каждой секундой дышать становилось всё легче и легче. В тот раз я переиграл костлявую, всё-таки очнувшись в тёмном полумраке комнатухи, называемой лабораторией. Распахнул глаза и застонал от какофонии звуков и запахов, окутавшей тут же. И шелест бумаг, и дыхание кого-то совсем рядом на расстоянии вытянутой руки, и запах розового мыла вперемешку с противным запахом лекарств, защекотавший ноздри. А ещё...ещё аромат сочной свежей крови. Я чуял его настолько ясно, будто мне под нос сунули плоску, наполненную до краёв ею. Я слышал, как она бежит по венам, и

чувствовал, как пересохло в горле от голода. Как запекло дёсны от потребности выпиться клыками в шею женщины, удивленно вскрикнувшей, когда я рывком сел на столе.

– Пришёл в себя, ублюдок? – она испуганно попятилась назад, когда я разорвал веревки, которыми был привязан к столу, прыгнул с места и абсолютно голый двинулся ей навстречу. – Выродок очнулся! – трусливая тварь в белом халате пронзительно завизжала, призывая на помощь, но тщетно. Уже через мгновение я смаковал свой первый завтрак после пробуждения, свою первую «чистую», «живую» кровь, содрогаясь от удовольствия, когда по горлу потекла не только драгоценная горячая лава её ароматной крови, но и жизненная сила той, чьей главной обязанностью было получать образцы моей кожи. И если сейчас в этой процедуре нет ничего устрашающего, то тогда, более сотни лет назад, это означало вырезание кусочков плоти с тела. Естественно, без какой-либо анестезии.

В коридоре появлялась миниатюрная женщина в кипельно белом халате и, презрительно кривя губы, аккуратно шинковала кожу медицинским ножом на мелкие ошмётки. А я даже не мог сопротивляться, временно парализованный какой-то дрянью, которую они подсыпали в еду. Но зато я всё прекрасно чувствовал, каждое движение ножа, кромсающее на части моё тело, я прекрасно видел фанатичный блеск в глазах Шварц, её наполненные безгливостью движения.

А сейчас она валялась у моих ног, с разодранным горлом и глядя остекленевшими глазами в белый потолок. Сзади послышался звук захлопнувшейся двери, я развернулся и оскалился, увидев Доктора с довольной улыбкой на лице. В его глазах светился триумф.

– Великолепно! Просто великолепно! – воскликнул Эйбель, даже не обращая внимания на дохлую вампиршу на полу.

Вот тогда я и осознал, с каким дьяволом мне придётся воевать. Игра со смертью не закончилась победой. Она вышла на более сложный уровень. Да и победа ли это была? Почему-то при взгляде на светившегося от непонятной мне радости немца я понимал, что мой успех в этом противостоянии не всегда будет означать его падение. Не всегда...

{ "Объект убил доктора Шварц, едва очнувшись. Налицо увеличение мышечной массы Объекта...

...Таким образом, можно утверждать, что рецепты, рекомендованные ведьмой, возымели определенное воздействие на физическое состояние Объекта, заметно улучшив его...» }

Первая «живая» кровь, как первая любовь, её невозможно забыть. Даже рождённому вампиру. С того времени я выпил не один десяток жизней, но кровь моей мучительницы до сих пор кажется мне самой вкусной и насыщенной.

Так же, как и первая любовь, оставившая самые яркие и сильные эмоции после себя. Пусть даже мне не с чем сравнить, так как она оказалась и последней. Виктория Эйбель...Викки...Девочка...Моя девочка.

Маленький человечек, однажды вихрем ворвавшийся в мою жизнь, вызывавший самые противоречивые чувства. От ненависти до любви – это было про нас. И от любви до ненависти – это тоже про нас. Очень жаль, что этот короткий путь в два шага – от ненависти до ненависти – я прошёл за столь длительное время, оставившее тысячи воспоминаний, которые выворачивают наизнанку всю душу. Раз за разом...

Самые разные воспоминания. Совершенно не похожие одно на другое. Но соединённые всё же чем-то единым. Ею. Её улыбкой. Её голосом. Той радостью, что взрывалась в сердце, когда Викки, перепрыгивая через ступени, сбегала ко мне, весело смеясь и визжа. Наполняя мёртвую и угрюмую тишину вокруг своим звонким голосом.

Она постоянно что-то говорила. Поначалу это раздражало. Очень сильно. Невыносимо. Хотелось вырваться из клетки и схватить маленького змеёныша Эйбеля за тоненькую шею, и сломать её одним нажатием пальца. Как цыплёнка. Бесконечный поток вопросов мне, отцу и его лизоблюдам. Зачастую ей даже не требовались ответы. Она перескакивала с одной темы на другую, постоянно теребя подола ярких платьев, играя тёмными локонами волос и доводя до сумасшествия своим присутствием рядом.

А потом она неожиданно исчезла. Это я потом узнаю, что Эйбель отправил жену с ребенком куда-то отдыхать. «Там очень тепло и есть море. Оно такое огромное и страшное. Но я не боялась.»

А поначалу я буду радоваться, что не вижу крохотного человека рядом с Доктором, что никто не действует на нервы своими возгласами и смехом, что всё вернулось на круги своя. Поначалу. Потому что уже через несколько дней я буду с нетерпением ждать приходов Эйбеля. И пусть каждый его визит означал для меня бездну мучительной физической боли и унижений, но теперь я бы согласился и на это. Потому что мир снова становился слишком бесцветным и тусклым без её присутствия.

– Я – девочка... – так она сказала мне впервые после своего возвращения. – Хочешь, я буду только твоей девочкой? – с серьёзным видом спрашивала она, покусывая большой палец. И я хотел. Я безумно хотел этого. Чего-то или кого-то своего. Ведь даже железная цепь, натиравшая шею, и ненавистная клетка принадлежали не мне. Да что уж говорить об этом – мои телом по своему усмотрению распоряжались другие.

А теперь у меня появилась своя Девочка. Маленькое хрупкое создание, заменившее собой весь остальной мир, затмевавшее одним своим присутствием все последствия перенесённых опытов.

Я долго не мог понять, почему немец позволяет своей дочери приходить ко мне, сначала просто с разговорами, а потом и с книгами, которые она читала с огромным удовольствием. Сучий потрох садился в самом углу со своей любимой белой тетрадью и, не отрывая глаз, наблюдал за мной, периодически что-то записывая.

{«...Объект не реагирует на процесс чтения. За все время он не выказал признаков заинтересованности, не покидал свой угол и не поднимал головы...»

«...Объект активно интересуется процессом чтения. Он подходит вплотную к решетке камеры и периодически шевелит губами. Есть подозрения, что таким способом он пытается воспроизвести определенные слова, не знакомые ему...»

... Налицо прогресс в его умственном развитии. Рекомендуется продолжить подобную терапию...»}

Викки росла и менялась, постепенно заполняя собой всё пространство вокруг. Нет, она не была моим другом. Иногда мне казалось, что эта Девочка – часть меня самого. Настолько ярко она передавала мне свои эмоции в рассказах. Я словно видел её день своими глазами. За неимением собственной я проживал её жизнь и жизни героев книг.

Именно она объясняла мне самые простые вещи, со временем переставая удивляться тому, что я ничего не знаю. Рассказала мне о светлом дне и ярком солнце, о родителях и детях, о дружбе и любви, об ангелах и демонах. Всё это я узнавал день за днём от неё. В моём мире существовали только холодные ночи и темнота, которая изредка рассеивалась равнодушным лунным светом. Только боль и крики, унижения и ненависть. Я не видел ни одного ангела, но меня окружали демоны, злые и жестокие. Я мог бы многое рассказать ей о своей реальности, но не хотел. Даже после того, как начал разговаривать. Даже после её многочисленных просьб. Мне казалось кощунством портить такую чистую душу, загрязнить её историями о том, как отец моей Девочки два раза в месяц заставляет меня убивать таких же подопытных, как я. Или о том, что почти каждую неделю он выявляет, действует ли та дрянь, что они дают мне с едой. Дрянь, призванная укрепить кости или ускорить их регенерацию. Ну, и, конечно, единственным верным способом для проверки являлось методичное избиение, выламывание конечностей. Ни к чему маленькой незапятнанной душе знать о тех тоннах физической боли, что я пропускал через себя, порой не сдерживаясь и стирая зубы до дёсен, прокусывая щёки и язык до крови, и всё же воя бешеным зверем, когда смоченная в вербе плеть обжигала пламенем израненную спину.

Тогда я и предположить не мог, что возненавижу ту, кого долгие годы боготворил. Что она окажется самой последней тварью, лживой мразью, настоящей дочерью своего отца. А актёрское мастерство впитается в её кровь настолько прочно, что даже я – тот, на чьих глазах она росла, не распознает обмана и тонкой игры богатой зарвавшейся сучки.

– Я люблю тебя, Рино... – тоненькая ручка касается моей щеки, очерчивая губы. – Боже! Я так сильно тебя люблю! Я так соскучилась...

И я верил. Как последний дурак... Как смертник, идущий в логово кровожадного зверя, верит, что останется живым, так и я верил в её любовь к себе. С осторожностью...С неким страхом, что ошибусь, но всё же верил. И я, мать её, всё-таки ошибся. Теперь пришло моё время! Теперь сцена полностью моя! И я залью её кровавыми слезами Виктории Эйбель.

Глава 7

В моей узкой комнатке не было ни одного окна, только белые стены, белая постель и полное отсутствие другой мебели. Я сидела на кровати, подобрав ноги, чувствуя, как натирает шею ошейник. Эту комнату явно готовили для узника или узницы. Всё было рассчитано: и длинная цепь, прикованная к ошейнику, который ловко надели на меня, и ее длина, которая позволяла ходить по периметру комнатки, похожей на клетку. Эта комната напоминала мне ту, другую. Только тогда я была по другую сторону решетки. Он решил сломать меня, поставить в то же положение, в котором был сам много лет назад. Все действительно продумано до мелочей. Только почему спустя столько лет? Почему я? Неужели ему мало всего, что он сделал со мной тогда? Всех тех унижений, через которые я прошла, слез, боли, как моральной, так и физической. Он сломал меня тогда и сейчас, спустя столько лет, он хочет ломать меня снова. Только я уже не маленькая и глупая девочка, которую он использовал, а взрослая женщина, и я уже не человек. Сломать меня будет намного сложнее, чем раньше...Тогда я его любила. Я была обычной наивной дурочкой, которой манипулировал умный игрок. Я отыграла партию, и про меня забыли, чтобы спустя столько времени вспомнить снова и с садистским удовольствием доломать. Когда он был настоящим? Тогда или сейчас? Наверное, сейчас. Убийца, зверь, чудовище, а я смотрела на него сквозь розовые мечты семнадцатилетней девочки, которая влюбилась впервые.

Впрочем, кому я лгу. Рино был единственным мужчиной, которого я любила. Больше никогда и ни к кому я не испытывала и десятой доли той безумной страсти, которой испытывала к нему. Своему первому мужчине, который растоптал меня, проехался по мне танком и сплясал на моих костях победный танец.

18**** г.

Мне исполнилось семнадцать. Я стала более самостоятельной, развлекалась на балах, ездила на спектакли и в оперу, изменилась, повзрослела. Как-то совсем незаметно для себя. В зеркале я видела все ту же пигалицу, взбалмошную, худую, с длинными спутанными волосами, которые было всегда трудно расчесать, с глазами на пол лица. В моде в то время были пышные голубоглазые блондинки (а когда они не в моде?) Мои подруги мазали волосы какими-то настояями из трав, отбеливали кожу, старались не загорать на солнце. Я была далека от этого. Они обсуждали парней, новые знакомства на балах, а я писала письма Рино.

За это время я успела познакомиться с Арманом. Его семья часто принимала меня на выходные у себя или наносила визиты в нашу усадьбу. Тогда я не понимала, что таков план отца, и уже тогда он решил, что я выйду замуж за Рассони.

Мне нравилось бывать в его обществе, я получала от этого истинное удовольствие. Арман чертовски умен, образован, начитан, красив. Той аристократической красотой, которая бросается в глаза с первой же встречи. Но мое сердце уже было не свободно, ведь я была ЕГО девочкой, а, значит, другие мужчины уже не имели никаких шансов. Пусть тогда я еще не осознавала всю степень моей одержимости Рино, да и не были еще мои чувства одержимостью. Они были нежными и красивыми, детскими, наивными. Потому что и мои воспоминания о нем тоже были детскими. Я еще не смотрела на него глазами женщины. Точнее, я еще не томилась от едкого плотского желания, которое потом пожирало меня от одного его взгляда, я еще не познала его руки и ласки, я еще не знала, что он может мне дать, и как много захочу отдать ему.

В Париже я успела сыграть в своем самом первом спектакле. Это была авантюра, потому что в те времена актерами были отнюдь не аристократы, а скорее, бедняки, которые таким способом зарабатывали на жизнь, но меня завораживал театр, музыка, и я мечтала выйти на сцену. Боже, я знала наизусть почти всего Шекспира!

Я рассказала о своих мечтах Арману, и он притащил меня за кулисы. А потом устроил так, чтобы я сыграла второстепенную роль в массовке, но я была просто

безумно счастлива, я визжала от радости и чуть не задушила его в объятиях. А потом, сломя голову, побежала домой, чтобы написать очередное письмо Рино. Я так привыкла обо всем писать ему. Рассказывать о том, как захватывает дух от сцены, о том, как я лечу к звездам, когда на меня смотрят зрители. Это моё. Моя мечта.

Тогда я еще не знала, что она станет реальностью.

Я вернулась из Франции вместе с Арманом и его семьей. Они выехали на день раньше, чем должна была выехать я, и с удовольствием взяли меня с собой. Я упростила их сделать сюрприз отцу.

Рассони купили усадьбу по соседству с нашей, и обещали быть теперь частыми гостями у отца. Меня это радовало, ведь раньше у меня не было друзей, а я искренне считала Армана своим другом. Я не замечала ни его взглядов, ни блеска в глазах, ни случайных прикосновений. Да, мужчины обращали на меня внимание, но я не обращала на них. Тогда мне еще было чуждо кокетство, флирт и так далее. Потом я овладею им в совершенстве, но не в те времена.

Я горела желанием поскорее вернуться, и не думала о маме, которую не видела несколько месяцев, не думала об отце, я думала о своем Рино. Я молилась, чтобы за это время он никуда не делся, чтобы его не выгнали, не продали, не убили или не покалечили.

От нетерпения сводило скулы, я смотрела в окно кареты и нервно постукивала пальцами по коленям, иногда сдержанно улыбалась Арману и его матери. Всегда поражалась, какая она молодая и красивая. Впрочем, как и моя мать. Как и все, кто меня окружали. Чуть позже я начну задумываться о том, что среди наших знакомых нет стариков, нет даже пожилых людей. А сейчас я рассеяно отвечала Рассони и поглядывала в окно.

Как только карета остановилась возле нашей усадьбы, я спрыгнула с подножки и бросилась в дом. На ходу понимая, что не попрощалась ни с Арманом, ни с Элен. Но разве это в тот момент было важно? Я думала только о встрече с Рино. Ветер унес мою шляпку и растрепал волосы, а я, приподняв юбки, мчалась к стеклянным дверям, распахнула их и, пролетев мимо дворцового, бросилась

вниз по ступеням, сломя голову, с бешено бьющимся сердцем.

Когда Рино увидел меня, он молниеносно оказался возле решетки. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и от счастья не могла сказать ни слова, а потом он вдруг отпрянул и застыл на месте.

Рино рассматривал меня, словно удивляясь переменам, которые во мне произошли. Узнавал и не узнавал одновременно. А я, радостно улыбаясь, прильнула к прутьям. Пожирала его голодным взглядом, с каким-то диким восторгом понимая, как безумно скучала по нему, и осознавала, как много он значит для меня. Ведь в тот момент, когда увидела, я снова ожила. В одно мгновение детская увлеченность и привязанность вдруг превратилась в неконтролируемое безумие, меня захлестнуло каким-то сумасшедшим огнем страстного желания быть рядом с ним всегда и не расставаться ни на секунду.

- Я - твоя девочка. Я вернулась.

Но он не торопился подойти ко мне, и улыбка постепенно пропадала с моего лица.

- Ты не узнаешь меня? Это же я - Викки, - в горле застрял комок, когда вдруг поняла, что меня видеть совсем не рады. Не такой встречи я ожидала... Впрочем, я слишком много напридумывала себе. Моя голова была забита романтическим бредом, который очень скоро испарится, оставив с голой и жестокой реальностью наедине.

- Узнал... - глухо ответил он.

Мне подумалось, что Рино, наверное, обижается или злится за то, что меня так долго не было.

- Я не могла вернуться раньше, но я много думала о тебе. Каждый день. Писала тебе письма. Я покажу их, а если захочешь, все тебе прочту. Все до единого, и ты будешь знать, как сильно я скучала по тебе, - наивная простота, детская непосредственность, когда жизнь еще не научила скрывать чувства и эмоции, не научила носить маски и менять их при разных обстоятельствах.

Рино сделал шаг ко мне, и у меня бешено заколотилось сердце. Так сильно, что, казалось, все мое тело превратилось в сплошное сердце, потому что оно пульсировало в ушах, в голове, в горле, в кончиках пальцев. Как же я сильно тосковала по нему!

Он такой... такой красивый. Нет, не той красотой, которую сейчас показывают в глянцевого журналов и на экранах телевизоров. Нет. Это для меня он был САМЫМ красивым. Тогда я еще не знала значения слова сексуальный, харизматичный, с животным магнетизмом, с поработавшей грацией и диким взглядом разноцветных глаз. Он просто был больше, чем мужчина. От него веяло силой. Не той обыкновенной мужской силой, а именно мощью... как физической, так и моральной, опасностью, адреналином, зверем. И если другим эта мощь и дикость внушали страх, то меня они сводили с ума, притягивали магнитом. Его взгляд завораживал, проникал в душу. Я больше не видела перед собой оборванного несчастного Носферату, которому читала книжки. Я видела мужчину, и я осознавала, насколько сильно меня к этому мужчине влечёт, и это сильнее, чем четыре года назад...это уже нечто другое.

Рино подошел еще ближе, и я взяла его за руки, протянув свои через прутья решетки, от прикосновения он вздрогнул, и я вместе с ним. Меня пронизало током от ощущения его горячих запястий над кожаными перчатками. Погладила ладонями, поднимаясь выше, наслаждаясь гладкостью его кожи.

- А ты? Ты думал обо мне, Рино? Или забыл свою девочку? - заглянула ему в глаза и сжала пальцы на его руках.

- Нет. Я не умею много думать, ублюдок Носферату не думает, - серьезно ответил он, а я мне от разочарования захотелось застонать, - и я не Рино. Я объект номер один.

- Как не думал? Совсем? - в отчаянии переспросила я, и сердце больно сжалось от понимания своей ничтожности. Для него я лишь дочка ненавистного доктора, которая перестала докучать ему своим чтением и оставила в покое...а я... я так надеялась, что стала ему другом. Ведь он сам стал для меня всем.

Рино отрицательно качнул головой.

- Жаль...а я думала о тебе каждый день.

- Жаль, - эхом повторил Рино.

Я резко подняла голову и посмотрела на него.

- Тебе жаль?

- Что думала, - отрезал он и отошел от решетки, сел на матрас, облокотился о стену, закинув руки за голову и не глядя на меня.

- Уходи.

- Почему? - мне казалось, что я сейчас расплачусь от разочарования и обиды. Но он так и не ответил, а я еще несколько секунд стояла, в растерянности сжимая пальцы, глядя на его четкий профиль, легкую щетину на скулах, взъерошенные волосы и ушла. Внизу с грохотом лязгнули цепи.

Я не приходила к нему несколько дней. Это было сложно. Знать, что он в нескольких шагах от меня, слышать лязг его цепей бессонными ночами, понимать, что могу так легко преодолеть расстояние в несколько ступеней. Только расстояние оказалось намного больше. Оно измерялось годами моего отсутствия, моим положением в обществе и его рабством.

В это время у нас гостил Арман, и он отвлекал меня от невеселых мыслей о Рино. Мы гуляли в саду, ужинали и обедали на свежем воздухе. А по вечерам мне невыносимо хотелось спуститься в подвал, и я боролась с собой так долго, как могла. Ведь я так сильно ждала этой встречи. Долгие четыре года.

На следующий день я не выдержала, и поздно вечером, когда отец прогнал меня спать, я все же решила спуститься к нему.

Подбежала к клетке и, вцепившись в прутья, судорожно выдохнула - Рино в ней не оказалось. Разочарованно застонала. Только смятая постель, миска с водой и

цепи. Я развернулась на каблуках и взбежала по ступеням, остановилась возле стражника и, грозно глядя на него, спросила:

- Где объект?

Тот растерялся:

- Мне не велено...

- Плевать! Я хозяйка этого дома, такая же, как и мой отец, и я хочу знать, где объект?

- В пристройке, развлекает гостей, - ответил тот, оторопев. Я почувствовала, как по телу поползли мурашки от волнения. Слово «пристройка» всегда внушало мне страх. Там...за стенами этого здания ему всегда причиняли боль.

Я вышла из дома и побежала к пристройке. В окнах горел свет, слышалась музыка и голоса. Я обошла здание со всех сторон, понимая, что вовнутрь мне не попасть. Отец, наверняка, выставил охрану. Наконец-то я увидела открытое окно. Запрыгнула на подоконник, а затем и в одну из комнат.

Раньше я никогда не бывала в пристройке. В отцовской клинике. Мне было запрещено даже приближаться сюда.

Я перевела дух, одернула подол платья, и не спеша пошла по коридорам, освещенным свечами в хрустальных канделябрах. Зеркала на стенах отражали растрепанную девушку в легком жемчужном платье, раскрасневшуюся и взволнованную. Я увидела на полу маскарадную маску, и, не раздумывая, надела ее на лицо.

Крадучись, подошла к дверям залы, из-за которой доносилась музыка и женский смех, толкнула их кончиками пальцев, еще не решаясь войти. И хорошо, что не вошла. Все были так увлечены происходящим, меня никто не заметил. А я, как замороженная, смотрела на мужчину, стоящего посреди залы, почти голого, в одной набедренной повязке. Его окружили гости и рассматривали с нескрываемым интересом. Все в масках. Я видела, как плотоядно облизывались эти напыщенные аристократки ... и сама застыла, как вкопанная, потрясенная, с

широко распахнутыми глазами я пожирала его голодным взглядом. Полным восторженного женского любопытства, когда впервые видишь тело любимого мужчины и задыхаешься от осознания, насколько он прекрасен. У меня дух захватило, и вспотели ладони. Подгибались колени, и по телу прошла дрожь. Высокий, худощавый, с очень смуглой кожей, обтягивающей рельефные мышцы, которые бугрились и играли при свете свечей. Мощная шея, сильные накачанные руки, широкие плечи, плоский живот с кубиками пресса, узкие бедра и длинные мускулистые ноги. Звериная красота, хищная. Тело завораживает идеальностью и великолепием. Я сглотнула и посмотрела на его лицо, в этот момент мне вдруг стало больно. Физически. Я словно ощутила на себе это унижение, его взгляд, полный ненависти и звериной ярости, устремленный на них, руки, сжатые в кулаки, сетку вен на щеке с четко очерченной скулой, и сильно стиснутые челюсти.

Мне стало нечем дышать, захотелось растолкать их всех и набросить на него свой плащ, но я не смела пошевелиться. Отец не должен обнаружить меня здесь. Это явно запрещенные удовольствия, о которых я знать не должна. О которых, вообще, наверняка, не знает даже моя мама, которая сейчас находится в Испании. Я почувствовала отвращение к ним ко всем...и впервые отвращение к отцу за то, что затеял все это. За то, что выставил его на обозрение как скот. Впервые все мое существо отторгало происходящее на уровне инстинктов, когда я чувствовала эмоции Рино на расстоянии и, словно знала, как ненавистно ему все то, что происходит.

Одна из женщин подошла к нему и тронула ладонью в шелковой перчатке его грудь. Я вздрогнула, словно сама прикоснулась к нему, и мне показалось, что я готова отдать что угодно, лишь бы вот так дотронуться до него.

– Я самая храбрая из вас, – усмехнулась блондинистая красавица с вызывающе красными губами, – я его потрогаю и оценю на ощупь. Если Альберт помнит, за подобное развлечение ему щедро уплачено.

От мысли, что отец продает Рино этим похотливым сучкам, я покрылась мурашками, и руки сжались в кулаки. Блондинка провела ладонью по мощному торсу, хотела коснуться щеки Рино, но тот отпрянул и брезгливо поморщился.

– Норовист жеребец! – все расхохотались, а я сжала челюсти и зажмурилась. Мне невыносимо захотелось вцепиться ей в волосы. Чтоб не смела его трогать. В горле пересохло одновременно и от его красоты, и от неведомого мне ранее

чувства, когда в сердце впиваются первые щупальца ревности. Тогда я еще не понимала, что это она и есть. Я просто сжимала и разжимала кулаки, пока женщина трогала Рино, как жеребца на рынке. Она пропустила его русые волосы сквозь пальцы, обошла его со всех сторон, сильно сжала его ягодицу.

– Одни мышцы. Он великолепен. Он идеален. Тело Бога или Дьявола. Идем, уродец, пообщаемся. Мне сказали, ты прекрасно владеешь французским...хммм...языком.

Снова стала напротив Рино и сдернула с его бедер повязку. Раздались женские возгласы: смущенные, восхищенные, и я сама прикрыла рот рукой. Я никогда раньше не видела полностью обнаженных мужчин, и сейчас не могла сдержаться, чтобы не опустить взгляд к его паху и снова отвести глаза, чувствуя, как вся кровь бросилась в лицо. Блондинка вдруг накрыла рукой член Рино и слегка сжала пальцы:

– Тебя не возбуждает, когда мы на тебя сморим, ублюдок? У тебя не стоит на нормальных женщин? Альберт...твой объект импотент?

Я вцепилась в косяк двери, тяжело дыша, с трудом сдерживаясь, чтобы не вбежать туда, а потом услышала голос отца:

– Давай, мразь, не стой истуканом. Оправдай деньги, которые за тебя заплатили. Покажи дамам, на что ты способен! Иначе кожу сдери живьем! Восстанавливаться будешь очень долго.

Я услышала свист хлыста и увидела, как он опустился на спину Рино, но тот даже не вздрогнул.

– Уводи его, Кэсси. Он твой.

Женщина взяла Рино за руку и повела к двери, я отпрянула в сторону. А они прошли мимо меня. Даже не заметив. Да и куда там заметить, если эта развратная сучка обещала столько удовольствий.

Но это я решила, что не заметил... на самом деле все он прекрасно видел...он чувствовал мой запах сильнее, чем каждый из них, его обоняние сильнее, чем у любого другого вампира, потому что Рино уникален. В зале продолжили смеяться и обсуждать полукровку, а я пошла за парочкой на носочках.

Увидела, как женщина в маске затащила его в комнату, занавешенную красной прозрачной шторой. Я остановилась, не в силах пошевелиться и словно замороженная наблюдала за тем, что будет дальше.

Рино вдруг рванул блондинку к себе, разодрал корсаж и, схватив одной рукой за горло, другой сжал ее грудь.

Полная грудь с торчащими сосками белела на фоне красного бархата, контрастируя со смуглыми мужскими пальцами. В этот момент он вдруг вскинул голову и посмотрел прямо на меня. Я отпрянула назад.

– Даааа! – выдохнула блондинка. – Да, урод, именно этого от тебя и хотели! Ох...как быстро ты растешь в моих руках. Да ты гигант. Порви меня. Давай. Мне обещали, что ты сможешь доставить мне удовольствие.

Я увидела, как Рино обнял эту женщину за талию, задирая подол ее платья. Его ладонь исчезла между ее ног и глаза женщины закатились, по её телу прошла судорога, она впилась в волосы Рино пальцами.

Дальше я смотреть не хотела и рванула прочь оттуда. Мои щеки пылали, а сердце готово было остановиться. Я не понимала, что со мной происходит. Я была одновременно и шокирована, и в ярости, и очарована и ...впервые возбуждена. До предела, до покалывания во всем теле. Меня разрывало от желания вышвырнуть ту сучку и самой остаться с ним наедине. Хоть один раз.

Мне невыносимо захотелось, чтобы Рино и ко мне прикоснулся так, как к той женщине. И чтобы посмотрел на меня так же, рвал на мне одежду в нетерпении. А потом я в бессильной ярости разбила вазу и сидела на полу, раскачиваясь из стороны в сторону. Я ненавидела их всех. И Рино тоже.

Этой ночью я изучала свое тело и рассматривала себя в зеркале. Будучи дочерью врача, я знала все об отношениях женщины и мужчины еще до того, как уехала во Францию. Отец считал это естественным процессом спаривания для зачатия себе подобных у животных. Конечно, во Франции общаясь с другими девушками и читая запрещенную литературу, я уже прекрасно понимала, что люди этим занимаются не только для продолжения рода. Девушки рассказывали, что это приносит невероятное удовольствие, что ради этого удовольствия, а не во имя возвышенных всяких там эмоций, совершаются безумства и самые страшные преступления.

Я прикасалась к себе кончиками пальцев, закрыв глаза, а потом наоборот пристально глядя на свое отражение. Я красивая? Какая я в глазах мужчин? Я им нравлюсь? Рино...ему я могла бы нравиться? Он бы захотел касаться меня? Или целовать?

А потом, спустя несколько недель, я снова приходила к нему и читала...теперь свои письма. Словно мы все начали заново. Точнее, я начала. Тот самый обратный отсчёт от беззаботной влюбленности до дикой одержимости. Он не слушал. Мне так казалось. Но иногда я все же успевала поймать его взгляд, устремленный на меня из-под густой челки. Пристальный, незнакомый мне взгляд. Мужской. Пронизывающий, изучающий. Скользящий по лицу, груди, ногам. Если раньше я не задумывалась, в чем приходит к моему другу, то сейчас, ясно осознавая, что он видел всех тех красивых женщин в шикарных нарядах, мне хотелось быть хоть немного похожей на них. Но они зрелые, с красивыми формами, роскошными телами, а я худая, хрупкая, у меня небольшая грудь, острые плечи. Разве что тонкая талия и роскошные волосы – единственное мое достоинство. Так говорит Марта, когда укладывает непослушные рыжеватые локоны по утрам и затягивает потуже корсет. «Госпожа как тростиночка, такая тоненькая, хрупкая». С каждым днем я все больше и больше нервничала в присутствии Рино. И я выбирала наряды, стараясь походить на тех женщин с соблазнительными вырезами, красивыми прическами, подведенными глазами и напомаженными губами. Конечно, до искусства соблазна мне было далеко. И, скорее всего, Рино насмехался над моими усилиями и презирал меня за них.

А мне хотелось, чтобы он смотрел на меня, говорил со мной как раньше, слушал меня. Хотел.... как ту блондинку, которую так яростно сжимал в объятиях. Я смотрела на его руки в перчатках, и у меня сводило скулы от невыносимого желания, чтобы эти руки коснулись меня...чтобы его чувственный рот прижался к моему рту.

А вместо этого я наталкивалась на холодную стену отчуждения и яростный взгляд с каким-то непонятным блеском.

Я уже прочла почти все письма за три года и перешла к последним. Тем самым, где познакомилась с Арманом и начала выезжать на балы. Как вдруг Рино оборвал мое чтение, впервые заговорив со мной после долгого игнорирования.

– Хватит.

Я в недоумении посмотрела на него и вздрогнула, когда поняла, что он стоит у самых прутьев решетки. Рино всегда двигался быстро и молниеносно. Иногда мне казалось, что он и не человек вовсе, и от этой мысли становилось жутко, и в то же время дух захватывало от его звериной силы и мощи.

– Хватит, и так все ясно.

Я нахмурилась, не понимая, что именно его разозлило.

– Ты не слышал еще самого интересного, как Твоя Девочка вышла впервые на сцену. Я так сильно хотела рассказать тебе об этом.

– Моя? Это издевательство?

Вдруг переспросил он и усмехнулся, в полумраке блеснул ряд белоснежных зубов.

– Да. Помнишь, мы решили, что я буду твоей девочкой?

Шепотом переспросила я.

И вдруг он вцепился в прутья решетки:

- А для него ты тоже его девочка? Весь этот год как он тебя называл?

Я встретила с Рино взглядом, и мне стало нечем дышать, он прожигал меня, испепелял, врывался под кожу, отравлял кристаллами смертельного яда и льда, и я не совсем понимала, за что он злится на меня.

- Для кого? - переспросила я.

- Для твоего нового друга?

- Нет, - серьезно ответила я, - для него я Виктория.

Я накрыла руку Рино, которая сильно сжимала прутья решетки. Мы замерли оба, глядя друг другу в глаза. Пальцы в перчатках скользнули по моим рукам к локтям, вверх по обнаженной коже, и я невольно прижалась всем телом к клетке, наслаждаясь его прикосновением. Рино тронул мои волосы, а потом щеку костяшками пальцев, и я невольно закрыла глаза, наслаждаясь прикосновением. Протянула руки и положила ему на плечи.

- Девочка, - шепотом сказал он и провел пальцами по скуле, зарываясь в мои волосы.

Я прижалась лицом к решетке, и мы почти соприкасались лбами. У меня кружилась голова от его запаха, от близости и неожиданной ласки, и я сильнее сжала его плечи, осмелела, провела ладонью по шее к лицу, не отрывая от него затуманенного взгляда. Почувствовала, как Рино гладит мой затылок. Боже, я сейчас сойду с ума, если он не поцелует меня. Его губы...Они такие...они как грех. Я хочу узнать, какие они на вкус. От собственных мыслей участилось дыхание, и поплыл взгляд. Я словно опьянела.

- Твоя девочка, - тихо сказала я и дотронулась указательным пальцем до его губ. Мне стало нечем дышать, казалось, я задохнусь, и меня разорвет на части от ненормального чувства дикой эйфории стоять вот так...настолько близко к нему. И вдруг все прекратилось. Через секунду Рино уже стоял у стены спиной ко мне.

– Уходи! – рявкнул он. – Убирайся отсюда! Давай! Уходи! Выметайся ко всем чертям и больше не ходи сюда! Иди к тем, кто ровня тебе. Нечего ставить со мной эксперименты. Это твой папочка тебя послал?

Я выбежала с подвала, взлетела по лестнице, ворвалась к себе в комнату и захлопнула дверь. Прорыдала до утра, кусая подушку, чтобы никто не услышал. Это были мои первые слезы из-за него. Самые первые...и далеко не последние. Потом я пролью по нему океаны слез, я потону в этих слезах боли, отчаяния и разочарований. А пока что я рыдала от обиды и унижения... я поняла, что меня отвергли и выгнали ...я оказалась хуже тех женщин, которые платили деньги за его ласки.

Больше я не спускалась в подвал до самого пожара. Около двух недель не видела Рино.

Я гуляла с Арманом, ездила на приемы и балы...Я совершенно не замечала того, как Рассони относится ко мне. Когда любишь, ты слепнешь, все вокруг становятся безликими и бесполоыми.

Дом загорелся после очередной отцовской вечеринки, на которой я, естественно, не присутствовала. С недавних пор я вообще начала ненавидеть его гадские, развратные приемы. И эта очередная оргия, на которую повели Рино... от отчаяния мне хотелось взвыть. Я-то уже знала, что именно будет там происходить. В этот день я впервые разругалась с отцом. Он чуть не дал мне пощечину, когда я сказала, что он не смеет продавать Рино как вещь. Отец заорал мне в лицо, что Рино и есть его вещь, секс – единственное, на что эта вещь пригодна, и приносит ему прибыль для разработки его невероятного проекта. А мне лучше не вмешиваться, иначе он снова отправит меня в Европу.

Не знаю, зачем я это сделала, но я подожгла дом. Мне хотелось, чтоб эти похотливые сучки, которые будут его там лапать...чтоб они все сгорели. Я украла в баре бутылку рома и подожгла кабинет отца, а сама спряталась на чердаке, заливаясь слезами бессилия и ненависти ко всему, что происходит в этом проклятом доме.

Я знаю, что меня искали, но я спряталась и мечтала сгореть там наверху, и чтоб никто меня так и не нашел. Я ненавидела их всех. Рино тоже. Представляла, как он касается других женщин, как ласкает их...пусть и за деньги, пусть насильно, но им повезло намного больше, чем мне. Ведь меня можно только презирать, потому что я дочь его мучителя.

Усадьба запылала как карточный домик, первые этажи обуяло пламя, отрезая верхние. И меня, естественно, тоже. Рухнули балки, ломая лестницу. В доме началась паника, а я сидела на чердаке и расширенными от ужаса глазами, смотрела, как языки пламени лижут дверь, и как покрывается пупырышками дерево, как вздувается краска.

Сейчас я думаю о том, что все эти гости моего отца, они были под кайфом от красного порошка, который уже тогда завозили с Асфентуса. Запах дыма отбивал для них мой личный, и именно поэтому меня не могли найти. А, может, никто и не догадывался, что вместо того, чтобы уйти из дома, я спряталась наверху.

Кашляя и задыхаясь, я жалась в дальний угол чердака, в панике ожидая, когда проклятая дверь лопнет под натиском пламени или сгорит, а меня саму сожрет огонь, но вдруг она просто разлетелась в щепки от удара, и я увидела Рино, бросилась к нему и прижалась всем телом, а когда почувствовала, как он обнял меня в ответ, заплакала.

– Моя девочка? – спросил очень тихо.

– Твоя девочка, а они пусть сгорят все, – так же тихо ответила я и спрятала лицо у него на груди. Впервые мы касались друг друга без того, чтобы нас разделяла решетка. Рино отпрянул, посмотрел мне в глаза, и его чувственных губ впервые коснулась улыбка нежности.

Он подхватил меня на руки и вынес из горящего здания через черный ход, а я вдруг поняла, что готова сгореть здесь еще несколько раз подряд, лишь бы он вот так держал меня, как сейчас. Словно пушинку, своими сильными руками, а я могла бы прижиматься к нему, склонив голову на сильное плечо и слушая биение его сердца.

Тогда я даже не обратила внимания на обрывок цепи на его ошейнике, на покорёженные браслеты с разогнутыми кольцами на запястьях и щиколотках. Я даже подумать не могла, что он порвал все цепи и сбежал от стражников, чтобы найти свою Девочку.

Рино принес меня в сарай, поставил на пол и хотел уйти, но я удержала его за руку, потянула к себе. И он вдруг резко обнял меня, рывком привлек к себе.

- Зачем? - горячо прошептал мне в ухо. - Дом подожгла?

- Не хочу, чтоб тебя трогали... - всхлипнула я. - Не хочу...не могу. Пусть не трогают тебя никогда. Никто.

- Дурочка...

Я лихорадочно гладила его лицо, прижимаясь лбом к его лбу, чувствуя, как начинаю задыхаться. Сама нашла его губы и прижалась к ним своими. Мы замерли на доли секунд, а потом Рино набросился на мой рот поцелуем, и мы оба в изнеможении застонали, впиваясь жадными пальцами в друг друга, сминая руками, ероша волосы, дрожа всем телом. Это было так естественно - целовать его. Так по сумасшедшему и дико прекрасно, словно всю жизнь я знала, что хочу принадлежать только этому мужчине, с самой первой секунды, как увидела. С самого первого взгляда, когда еще ребенком заглянула в разные глаза и увидела в них свое отражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.me/soboleva_ul-yana/lyubov-za-gran-yu-10-igra-so-smert-yu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)